

Обзор дисциплинарной практики за 2018 год, 2019 год и первое полугодие 2020 года по вопросам, связанным с публичным поведением адвоката при осуществлении профессиональной деятельности, а также в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»

2018 год

1. Совет прекратил статус адвоката за неуважительные публичные высказывания в социальных сетях.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы..., рассмотрев в закрытом заседании 24 апреля 2018 г. с участием заявителя - адвоката Г., представителя ГУ Министерства юстиции по гор. Москве Е., а также адвоката Ф. и его представителей: К. и адвоката П., дисциплинарное производство в отношении адвоката Ф., возбуждённое по жалобе адвоката Г. от 30 октября 2017 года (вх. № ... от 30.10.2017) и по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 19 октября 2017 года № 77/... (вх. № ... от 31.10.2017), основанному на обращении адвоката Г. от 27 сентября 2017 года (зарегистрировано в Минюсте России 27.09.2017 № ...), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 24.01.2018, адвокатом Ф. нарушены:

пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» («адвокат обязан соблюдать кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения органов... Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации, принятые в пределах их компетенции») во взаимосвязи с пунктами 1.3., 2.2.1, 2.3.1, 2.3.2 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 28 сентября 2016 года (протокол № 7), п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии»), что выразилось в опубликовании им на сайте социальной сети «Твиттер», принадлежащем адвокату Ф. и используемом им, следующих сообщений («твиттов») от 19 июля 2017 года: «Придурки, запомните и передайте вашему шарикуну! Ф. никогда, слышите, никогда не проигрывал такому говну. Я вас сожру и высуру. Пидо**сы...», «Исход этой деревенской пиар-атаки кремлевской подх**шки будет таким же, как и с его иском ко мне в Украине за «украинофобское животное», в которых содержится обценная лексика в виде выражений: «пидо**сы», «подх**шка», «говну», «высуру», и проявлено неуважение по отношению к неограниченному кругу лиц путем использования при обращении к ним слова «придурки», а также сообщения

«Взглянул на иск Ш. Бездарно составленные документы: Уголовная и гражданско-правовая ответственность взаимоисключающи. Идиоты», в котором приведена несдержанная и некорректная оценка содержания процессуального акта – искового заявления – своего процессуального оппонента – Ш. («бездарно составленные документы»), и проявлено неуважительное и оскорбительное отношение к нему («идиоты»).

В соответствии с этим же Заключением, в оставшейся части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Ф. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился. Своё авторство сообщений (твиттов), в которых Комиссия установила дисциплинарные нарушения, не отрицает. Отвечая на вопросы членов Совета, пояснил, что действительно прибегает к резким и грубым публичным высказываниям, используя в них обценную, в том числе, ненормативную, лексику, поскольку «это его единственное орудие», а он находится под сильным давлением власти в силу специфики дел, которые ведёт. По этой причине считает такое своё публичное поведение «в определённых случаях допустимым», в том числе в Интернете. Кроме того, заявил письменное ходатайство, подтвердив его устно в заседании Совета, о прекращении дисциплинарного производства в связи с истечением, по его мнению, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности с момента обнаружения проступка. В обоснование ходатайства сослался на тот факт, что адвокат Г. ранее, 25 июля 2017 года, обращалась в Адвокатскую палату гор. Москвы с жалобой аналогичного содержания, по которой 04 августа 2017 года было отказано в возбуждении дисциплинарного производства. Пояснил, что предпочитает прекращение дисциплинарного производства по указанному нереабилитирующему основанию рассмотрению дисциплинарного дела по существу, поскольку сомневается в возможности Совета Адвокатской палаты гор. Москвы принять самостоятельное и справедливое решение, т.к. он (адвокат Ф.), являясь «политическим адвокатом», испытывает давление со стороны власти.

Представители адвоката Ф. в заседании Совета позицию последнего поддержали, также просили о прекращении дисциплинарного производства в связи с истечением срока привлечения к дисциплинарной ответственности. Вместе с тем, оспаривали наличие в действиях адвоката Ф. состава дисциплинарного нарушения. В частности, представитель К. указал, что первое и второе (по порядку изложения в Заключением Комиссии – прим. Совета) высказывания адвоката Ф. безадресны, а третье не противоречит п. 2.2.2. Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в новой редакции. Обратил внимание на то, что твитты были адресованы друзьям адвоката Ф. в социальной сети, подписанным на его

аккаунт, в связи с чем адвокат Г. не может иметь к нему претензий в связи с распространением сведений о ней. Представитель П., также указав на «обезличенный» характер двух из трёх высказываний адвоката Ф., рассматриваемых в настоящем дисциплинарном деле как образующие дисциплинарные нарушения, дополнительно обратил внимание на то, что ни одно из трёх высказываний не относится к адвокату Г., а также на то, что Лефортовский районный суд гор. Москвы в решении от 30.12.2016, применительно к аналогичной, по его мнению и по мнению адвоката Ф., ситуации, пришёл к выводу о том, что днём обнаружения проступка считается день, когда в соответствующую адвокатскую палату поступили сведения, указывающие на наличие в действиях (бездействии) адвоката признаков нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, и этот срок должен рассчитываться самостоятельно для каждой жалобы, касающейся различных фактов. Кроме того, указал на то, что по дисциплинарному делу не проводилась лингвистическая экспертиза, в то время как слово «идиот» является литературным, употребляется в произведениях русских классиков и не является оскорбительным. Остальные слова, содержащиеся в указанных высказываниях адвоката Ф., по его мнению, не входят в перечень предусмотренных действующими нормативными актами слов, отнесённых к ненормативной лексике. Адвокат П. просил Совет «подойти к делу соразмерно», что в его понимании означало не применять к адвокату Ф. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Адвокат Г. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласилась в части, касающейся установленных в действиях адвоката Ф. нарушений. Вместе с тем, не согласилась с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в оставшейся части, а именно, в части, касающейся иных оскорбительных высказываний адвоката Ф. в адрес её доверителя Ш., а также в её адрес, и распространения адвокатом Ф. её фотоизображения и персональных данных без её согласия. Пояснила, что расценивает поведение адвоката Ф. как недопустимое и крайне циничное, причиняющее вред правам и законным интересам её доверителя Ш. и авторитету адвокатуры. Считает такое поведение адвоката Ф. несовместимым с принадлежностью к адвокатскому сообществу и просит о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, особенно с учётом того, что он уже привлекался к дисциплинарной ответственности за аналогичные нарушения и был предупреждён Советом Адвокатской палаты гор. Москвы о недопустимости такого поведения. Однако адвокат Ф. и после применения к нему предыдущей меры дисциплинарной ответственности продолжает вести себя так же, публично употребляет ненормативную лексику, иные бранные и оскорбительные выражения. В подтверждение этого представила Совету тексты публичных высказываний адвоката Ф. в Интернете в сентябре 2017 года, содержащие такие выражения.

Представитель Главного Управления Министерства юстиции по гор. Москве Е. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство с учётом доводов участников, высказанных в заседании Совета, в полном объёме соглашается с Заключением Комиссии, поскольку оно основано на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Достоверность содержания публичных высказываний адвоката Ф., в которых Комиссия усмотрела дисциплинарные нарушения, их авторство, а также обстоятельства, при которых они были сделаны адвокатом Ф., материалами дисциплинарного производства установлены вне разумных сомнений и не отрицаются самим адвокатом Ф. Доказательства совершения им указанных нарушений с исчерпывающей полнотой приведены в Заключением Комиссии.

Переходя к оценке этих высказываний на соответствие требованиям профессиональной этики адвоката, Совет соглашается с доводом представителя адвоката Ф. - адвоката П. о том, что слово «идиот (идиоты)» не является оскорбительным, поскольку оно является литературным и не облечено в неприличную форму. В связи с этим Совет исключает дисциплинарное обвинение в оскорбительном характере высказывания слова «идиоты», как необоснованное, по-прежнему относя указанное слово к числу грубых и неуважительных.

Совет отклоняет все остальные приведённые выше защитительные доводы адвоката Ф. и его представителей, как несостоятельные. Так, доводы о безадресном («обезличенном») характере высказываний не влияют на их оценку, поскольку, вне зависимости от наличия или отсутствия прямого указания адресатов высказываний, они содержат недопустимые для адвоката слова и выражения, в том числе о процессуальном оппоненте адвоката Ф. Довод о соответствии одного из этих высказываний требованиям п. 2.2.2. Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в новой редакции, равно как и доводы о том, что твитты были адресованы друзьям адвоката Ф. в социальной сети, подписанным на его аккаунт, в связи с чем адвокат Г. не может иметь к нему претензий в связи с распространением сведений о ней, также не влияют на разрешение дисциплинарного дела, поскольку нарушение указанного пункта Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» адвокату Ф. не вменяется, а дисциплинарные обвинения адвоката Г. в оскорбительных высказываниях в её адрес и в распространении её персональных данных признаны Комиссией недоказанными. Совет при рассмотрении дисциплинарного дела не вправе выходить за пределы Заключением.

Совет в своём Решении от 08.08.2017 № ..., доведённом до сведения адвоката Ф. путём вручения заверенной копии под роспись его представителю, уже разъяснял адвокату Ф. и вновь подчёркивает, что правила и требования

профессиональной этики, возлагающие на адвоката обязанности при всех обстоятельствах сохранять достоинство и не допускать никаких действий, направленных к подрыву доверия и умалению авторитета адвокатуры, включая правила, относящиеся к публичному поведению адвокатов, являются основополагающими правилами профессионального поведения, отражающими саму суть адвокатской профессии, устоев и традиций адвокатуры. К числу этих требований и правил, в частности, относятся следующие предписания Кодекса профессиональной этики адвоката:

«Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4);

«Адвокат должен избегать действий, направленных к подрыву доверия» (п. 2 ст. 5),

а также следующие предписания «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет», утверждённых 28 сентября 2016 года Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (протокол № 7):

«Принадлежность к адвокатскому сообществу как институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета» (п. 1.2.);

«Вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет» как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения» (п. 1.3.);

«При установлении контактов и общении в сети «Интернет» адвокат должен проявлять свойственную профессии сдержанность, осторожность и корректность» (пп. 2.2.1.);

«Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости» (пп. 2.3.1.);

«Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения» (пп. 2.3.2.).

Данные правила являются универсальными и императивными, адвокат не вправе отступать от них, как по собственной инициативе, так и в ответ на подобные действия других адвокатов или иных лиц, а также по любым иным причинам.

С учётом изложенного Совет признаёт полностью обоснованными выводы Квалификационной комиссии о том, что приведенные выше высказывания и выражения адвоката Ф. не соответствуют предписаниям пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ», п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката и изложенным требованиям «Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет».

Недопустимым и прямо противоречащим правилам профессиональной этики является сам факт неоднократных публичных высказываний, указанных выше, в которых с использованием обценной, в том числе ненормативной, лексики («пидо**сы», «подх**шка», «говну», «высру») проявлены агрессия, рознь и нетерпимость, явное неуважение по отношению к неограниченному кругу лиц («придурки»), а также содержится несдержанная и некорректная оценка содержания процессуального акта – искового заявления – процессуального оппонента («бездарно») и проявлено неуважительное отношение к нему («идиоты»).

Совет обращает внимание представителя адвоката Ф. - адвоката П., что для такой оценки совершенно не требуется проведение лингвистической экспертизы или иное обращение к лицам, обладающим специальными познаниями в области лингвистики, в силу очевидного содержания высказываний адвоката Ф. и их демонстративно публичного характера. Кроме того, Совет обращает внимание адвоката П. на неверное (необоснованно ограничительное) толкование им нормативных актов, определяющих основные и производные слова, образующие ненормативную (нецензурную) лексику, при том, что дисциплинарные обвинения в отношении адвоката Ф. состоят в нарушении, прежде всего, правил профессиональной этики адвоката, а не этих нормативных актов.

Завершая оценку приведённых выше публичных высказываний адвоката Ф., часть которых носит характер площадной брани, содержит ненормативные выражения, Совет ещё раз подчёркивает, что этими высказываниями адвокат Ф. грубо, демонстративно и неоднократно проигнорировал приведённые выше обязательные требования профессиональной этики. Совет вновь констатирует, что, как этими высказываниями в отдельности, так и всем свойственным ему в целом, по его собственному признанию, стилем публичного общения, адвокат Ф. продемонстрировал предельно низкие стандарты поведения, обычно характеризуемые как нерукопожатность.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Ф. в части вышеуказанных дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину в совершении этих нарушений полностью установленной.

Довод адвоката Ф. и его представителей об истечении шестимесячного срока применения мер дисциплинарной ответственности с момента обнаружения проступка Совет отклоняет как несостоятельный и разъясняет, что признаки дисциплинарного проступка, являющегося предметом

разбирательства в настоящем дисциплинарном деле, были впервые обнаружены в жалобе адвоката Г. от 30.10.2017, поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы в тот же день (вх. № ... от 30.10.2017), а затем – в представлении Главного Управления Министерства юстиции по гор. Москве, поступившем в Адвокатскую палату гор. Москвы 31.10.2017 (вх. № ... от 31.10.2017). Именно эти обращения явились поводами для возбуждения дисциплинарных производств распоряжениями Президента Адвокатской палаты гор. Москвы соответственно от 08.11.2017 № ... и от 09.11.2017 № ..., впоследствии объединённых в одном производстве. Что касается предыдущей жалобы адвоката Г., поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы 25.07.2017, то её содержание не оценивалось и не могло оцениваться на предмет наличия признаков дисциплинарного проступка, поскольку она была признана недопустимым поводом для возбуждения дисциплинарного разбирательства, что прямо следует из содержания Распоряжения Президента Адвокатской палаты гор. Москвы от 04.08.2017, приобщённого к материалам дисциплинарного производства по ходатайству адвоката Ф. То обстоятельство, что перед вынесением указанного распоряжения от адвоката Ф. было получено объяснение, в котором он сообщил, что незнаком с адвокатом Г. и не знал о том, что она представляет интересы Ш., также не свидетельствует об обнаружении признаков дисциплинарного проступка в его действиях. Сами же высказывания адвоката Ф., являющиеся предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, на предмет их соответствия требованиям законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре применительно к жалобе адвоката Г., поступившей в Адвокатскую палату гор. Москвы 25.07.2018, не анализировались по указанной выше причине – в связи с отсутствием допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. Ссылка адвоката Ф. и его представителей на решение Лефортовского районного суда гор. Москвы по иному делу, во-первых, не влияет на исчисление срока применения мер дисциплинарной ответственности по настоящему делу, а во-вторых, не свидетельствует о наличии каких-либо противоречий между позицией Совета, изложенной выше, и позицией суда, изложенной в его решении, поскольку в нём также содержится вывод суда о том, что шестимесячный срок подлежит исчислению со дня, «когда в соответствующую адвокатскую палату поступили сведения, указывающие на наличие в действиях (бездействии) адвоката признаков нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката». При таких обстоятельствах шестимесячный срок, предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, подлежит исчислению с 30.10.2018, на момент рассмотрения Советом дисциплинарного дела он не истёк, в связи с чем оснований для прекращения дисциплинарного производства по указанному основанию не имеется.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности

адвоката Ф. за совершённые нарушения, Совет принимает во внимание, что они являются умышленными, тяжкими, посягающими на этические основы адвокатской профессии, характеризуются устойчивым, демонстративным и злым игнорированием фундаментальных правил профессионального поведения, установленных законом и Кодексом профессиональной этики адвоката, а также решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции, проявлением органически чуждых адвокатской профессии агрессии, розни и нетерпимости, а также свидетельствуют об утрате адвокатом Ф. чести и достоинства, присущих профессии адвоката, нанесли вред авторитету адвокатуры, и в силу этого являются недопустимыми и несовместимыми со статусом адвоката. Кроме того, Совет учитывает, что адвокат Ф. подтвердил в заседании Совета, что такое поведение является его сознательным выбором и рассматривается им как допустимое. Эта позиция была высказана адвокатом Ф., несмотря на то, что в Решении Совета от 08.08.2017 № ..., которым к нему была применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за аналогичные нарушения, Советом было указано, в частности, следующее: «...Совет принимает во внимание, что они (*нарушения – прим. Совета*) являются умышленными, тяжкими, посягающими на этические основы адвокатской профессии, характеризуются систематическим, демонстративным и злым игнорированием установленных Законом и Кодексом профессиональной этики адвоката фундаментальных правил профессионального поведения, нанесли вред авторитету адвокатуры, направлены к подрыву доверия к ней, и в силу этого являются недопустимыми и несовместимыми со статусом адвоката. Вместе с тем, Совет учитывает, что адвокат Ф. нарушения признал, ...дисциплинарных взысканий не имеет. Учитывая совокупность указанных обстоятельств и сохраняя адвокату Ф. шанс кардинально изменить своё поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, Совет приходит к выводу о применении к нему меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения». Совет принимает во внимание, что нарушения, являющиеся предметом настоящего дисциплинарного разбирательства, совершены адвокатом Ф. ранее вынесения Советом указанного Решения от 08.08.2017 № ..., и в силу этого они не могут рассматриваться как повторные с формально-юридической точки зрения. Вместе с тем, оценивая поведение адвоката Ф. с позиций профессиональной этики, Совет полагает необходимым учесть, что он и в настоящее время, несмотря на ранее сделанное ему Советом предупреждение в указанных формулировках, вместо того, чтобы использовать предоставленный ему шанс кардинально изменить своё поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, продолжает, как указано выше, считать подобное поведение допустимым для себя, тем самым последовательно игнорирует фундаментальные требования профессиональной этики и демонстративно противопоставляет себя адвокатскому сообществу. При этом адвокат Ф. подтвердил в заседании Совета, что безусловно позиционирует себя в качестве

адвоката, делая подобные публичные высказывания в Интернете. У Совета также не имеется сомнений в очевидности для широкой аудитории публичных высказываний Ф. факта его принадлежности к адвокатскому сообществу. При таких обстоятельствах Совет, большинством голосов, приходит к выводу о необходимости применения к адвокату Ф. меры дисциплинарной ответственности за совершённые дисциплинарные нарушения в виде прекращения статуса адвоката и считает невозможным применение более мягкой меры дисциплинарной ответственности, поскольку она, во-первых, не соответствовала бы требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката, а во-вторых, косвенно свидетельствовала бы о совместимости подобного устойчивого и сознательного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

Устанавливая, в соответствии с требованиями п. 7 ст. 18, п. 1.1. ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, срок, по истечении которого Ф. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет считает достаточным для осознания Ф. необходимости неукоснительного соблюдения правил профессиональной этики срок продолжительностью в один год.

В части, касающейся оставшихся дисциплинарных обвинений, Совет соглашается с Заключением Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства по основанию, предусмотренному пп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку достаточных оснований для вывода о нарушении адвокатом Ф. этими высказываниями требований Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и Кодекса профессиональной этики адвоката, а также Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», не имеется.

Совет, как и Квалификационная комиссия, не может оценить словообразование «недопырок» как недопустимое выражение, поскольку указанное словообразование отсутствует в словарях русского языка, и его значение недоступно для понимания.

Размещение адвокатом Ф. в своём аккаунте фотографии адвоката Г., находившейся в открытом публичном источнике, и сопровождение ее записью «Адвокат Ш. Как говорили прежде, мама роди меня снова», также не составляет дисциплинарного проступка. Споры об использовании персональных данных органам адвокатского самоуправления не подведомственны. Кроме того, Совет, вопреки позиции заявителя – адвоката Г., не считает, что выражение «Адвокат Ш. Как говорили прежде, мама роди меня снова», унижает ее честь и достоинство.

Не образуют дисциплинарного проступка и иные высказывания адвоката Ф., которые приводит в жалобе заявитель адвокат Г., а именно: «По поводу вчерашнего так называемого российского суда. Педофила основательно прикрывают из Кремля. Ничего не поделаешь. Но мы продолжим» (26 октября

2017 г.); «Я прошу френдов, имеющих информацию о деятельности адвоката Г., присылать мне на почту (29 октября 2017 года); «Скорее овощ. В сети есть» (29 октября 2017 года), а также распространённая им информация о направлении жалобы в отношении адвоката Г. Достаточных доказательств того, что адвокат Ф. на своей странице в социальной сети «Твиттер» называет Ш. «не иначе как «аморальный тип», «лжец», «заурядный мерзавец»», а также того, что «на видео, снятом в полицейском участке г. ..., адвокат Ф. в присутствии переводчика и должностных лиц полиции оскорбляет жену Ш. – О., называет ее шлюхой, оскорбляет ее внешность, называет «типичным трансом»», заявителем также не представлено. В Заключение Комиссии приведены подробные обоснования вывода об отсутствии достаточных доказательств дисциплинарного проступка в указанных высказываниях, и Совет с этими обоснованиями соглашается.

2. Совет объявил замечание адвокату за его высказывания на телевизионной передаче.

Совет Адвокатской палаты г. Москвы..., рассмотрев с участием заявителя адвоката А. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), представителей заявителя адвоката Т. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов Московской области) – адвоката С. (удостоверение № ... от 29 мая 2015 года, регистрационный номер ... в реестре адвокатов Московской области, доверенность № ..., выдана Т.. 15 мая 2018 года сроком на один год, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы Ч., зарегистрирована в реестре № ...), представителей адвоката Д. - адвоката Б. (доверенность № ..., выдана Д. 06 марта 2018 года сроком на три года, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы У., зарегистрирована в реестре № ...), адвоката Ду. (удостоверение №... от 27 марта 2014 года регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы, доверенность № ..., выдана Д. 25 июня 2018 года сроком на три года, на право представления его интересов в Адвокатской палате города Москвы, удостоверена нотариусом города Москвы У., зарегистрирована в реестре № ...), рассмотрев в закрытом заседании дисциплинарное производство, возбужденное по жалобам: адвокатов Т. и А. от 17 января 2018 года (вх. № ... от 18.01.2018); адвоката Т. от 05 февраля 2018 года (вх. № ... от 05.02.2018); адвокатов Т. и А. от 12 апреля 2018 года (вх. № ... от 12.04.2018) в отношении адвоката Д. (регистрационный номер ... в реестре адвокатов города Москвы), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 23.05.2018, адвокатом Д. нарушены:

- п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («при осуществлении адвокатской деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), что выразилось

в употреблении им 23 ноября 2017 года в ходе дачи интервью, опубликованном впоследствии на личной странице адвоката Д. в социальной сети «Фейсбук» выражения, имеющего схожее лексическое значение со словом-жаргонизмом, а именно: «...«профекаливают» абсолютно всё, за что берутся...»;

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в интервью в программе «...», вышедшей в эфир на телеканале «НТВ» ... января 2018 года, выражения, в котором происходит уничижительное сравнение поведения адвоката Т. с поведением животных, а именно: «...К нему, на мой взгляд, пришел господин Т., которому нейметса после его последних нападок на господина К., и сказал, «Ну, давай еще потявкаем»;

- п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката («адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения», «адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката»), что выразилось в употреблении им в интервью в выпуске новостей на телеканале «НТВ», вышедшем в эфир ... апреля 2018 года и размещенном в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» для характеристики личности адвоката Т. выражений, обращенных к интимной сфере взаимоотношений, включающих вульгарные сравнения с физиологическими процессами, происходящими в человеческом организме, а именно: о наличии у адвоката Т. «...эрекции на мою машину», гомосексуальных наклонностей («...что в меня влюбился и почему в меня влюбился, собственно, однополая любовь, господин Т.»), а также сравнение адвоката Т. с одним из главных героев (женщиной) эротического фильма «Пятьдесят оттенков серого», в котором раскрываются гетеросексуальные садомазохистские взаимоотношения между половыми партнерами.

В соответствии с этим же Заключением, в оставшейся части дисциплинарное производство подлежит прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката Д. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат А. в заседание Совета явилась, с Заключением Комиссии в целом согласилась. Обратила внимание на то, что других юристов, кроме адвоката Т. и её, у «французской стороны» не было, поэтому неуважительные и вульгарные высказывания адвоката Д. о «юристах французской стороны» они имеют все основания воспринимать непосредственно в свой адрес. Кроме того, обратила внимание на то, что ни она, ни адвокат Т. никогда не позволяли себе вульгарных, оскорбительных, уничижительных высказываний по отношению к адвокату Д., придерживались

делового стиля общения и ничем не спровоцировали его недопустимые высказывания в их адрес. Считает, что адвокат вправе публично высказывать личное мнение, в том числе и о противоправности (преступности) действий своих оппонентов и иных лиц, но любые высказывания должны делаться в корректной форме и в качестве личных оценок, а не утверждений. Вопрос о мере дисциплинарной ответственности адвоката Д. оставила на усмотрение Совета.

Заявитель адвокат Т., извещённый надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, направил представителя.

Представитель заявителя адвоката Т. - адвокат С. в заседание Совета явился, с Заключением Комиссии согласился частично. Не согласен с выводом Комиссии о том, что высказанное адвокатом Д. в адрес его доверителя и представляемых им лиц обвинение в вымогательстве не являлось обвинением в совершении преступных действий. Считает такие публичные обвинения недопустимыми с точки зрения адвокатской этики, однако затруднился указать конкретную норму Кодекса профессиональной этики адвоката или иного нормативного акта, подтверждающую эту позицию. Решение вопроса о мере дисциплинарной ответственности адвоката Д. оставил на усмотрение Совета.

Адвокат Д., извещённый надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного дела, в заседание Совета не явился, направил представителей. Кроме того, направил в адрес Совета письменное обращение, в котором выразил сожаление о том, что его высказывания восприняты как неуважительные, в то время как он такой цели не преследовал, действовал исключительно в целях защиты интересов своего доверителя К.

Представитель адвоката Д. - адвокат Б. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился частично. Не согласен с той его частью, в которой усмотрены дисциплинарные нарушения в высказываниях адвоката Д., поскольку эти высказывания, по мнению адвоката Б., не были ни неуважительными, ни уничижительными, ни вульгарными, а были ироничными и иносказательными, наподобие употребляемых в баснях, а также представляли собой «интеллектуальную издёвку». Считает слово «профекаливают» приемлемым для делового общения адвоката, выражение «потявкаем» - не содержащим намёка на действия животного (собаки), а высказывание относительно сексуальных особенностей поведения адвоката Т. – не содержащим вульгарных и непристойных намёков и характеристик. Кроме того, считает, что предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката шестимесячный срок применения мер дисциплинарной ответственности должен исчисляться с момента обнаружения проступка «обиженной» стороной, в связи с чем полагает его истекшим в отношении высказывания «профекаливают». Считает также, что поскольку в жалобе заявителей было указано слово «повякаем», а в результате дисциплинарного производства установлено, что в действительности было

произнесено не это слово, а слово «потявкаем», то в этой части отсутствует допустимый повод для возбуждения дисциплинарного производства. Наконец, считает, что все три высказывания адвоката Д., в которых Комиссией усмотрены дисциплинарные нарушения, являются малозначительными проступками, в связи с чем просит прекратить дисциплинарное производство по этому основанию.

Представитель адвоката Д. - адвокат Ду., дополняя в заседании Совета доводы адвоката Б., обратила внимание Совета на то, что публичная пикировка между адвокатом Д., с одной стороны, и адвокатами Т. и А., с другой стороны, ведётся с 2016 года в одном и том же словесном жанре, при этом адвокат Д. никого не хотел обидеть.

...Выслушав участников дисциплинарного производства, рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного дела, Совет приходит к следующим выводам.

Прежде всего, Совет отмечает, что принадлежность адвокату Д. всех рассматриваемых в настоящем дисциплинарном производстве слов и выражений ни им, ни кем-либо из иных участников дисциплинарного производства не оспаривается. Равным образом, никем не оспаривается то обстоятельство, что все рассматриваемые слова и выражения произнесены адвокатом Д. в связи с осуществлением им профессиональной деятельности, при этом его принадлежность к адвокатскому сообществу очевидна и сомнений не вызывает. Указанные обстоятельства признаются Советом достоверно установленными.

Совет солидарен с Комиссией в оценке значимости для разрешения настоящего дисциплинарного дела представленных участниками дисциплинарного производства с обеих сторон и содержащихся в его материалах заключений специалистов (экспертов) в области лингвистики (научно-консультативное лингвистическое заключение, заключения по результатам внесудебной комиссионной лингвистической экспертизы и др.), в которых привлечённые сторонами специалисты на основе анализа толковых словарей русского языка высказывают свои мнения о содержании и значении отдельных слов и выражений, а также дают оценку «интенций» адвоката Д. при их произнесении.

В настоящем дисциплинарном производстве подлежат оценке слова и выражения адвоката Д. на предмет умаления ими чести, достоинства и деловой репутации другого адвоката либо авторитета адвокатуры, соответствия публичного вербального поведения адвоката Д. деловому стилю общения и требованию взаимного уважения адвокатов, соблюдения их профессиональных прав. При этом очевидно, что несоблюдение требований профессиональной этики адвоката в публичном поведении адвоката, составляющее суть дисциплинарных обвинений по настоящему дисциплинарному производству и, следовательно, его предмет, должно быть явным и очевидным, в том числе и для лиц, не обладающих специальными познаниями в области лингвистики. Поэтому мнение специалистов в области

лингвистики не может являться основанием для выводов органов адвокатского самоуправления о соблюдении/несоблюдении положений Кодекса профессиональной этики адвоката в указанной выше части.

Кроме того, подлежащие оценке слова и выражения адвоката Д. изложены им современным русским разговорным языком, не содержат каких-либо языковых либо семантических сложностей и неясностей, в связи с чем для уяснения их смысла и для оценки также отсутствует необходимость обращения к лицам, обладающим специальными познаниями в области лингвистики. Учитывая указанные выше обстоятельства, Совет разделяет позицию Квалификационной комиссии о достаточности самостоятельного анализа словесно-смысловых конструкций, без учёта и оценки мнений специалистов в области лингвистики, представленных участниками дисциплинарного производства.

Совет обращает внимание, что никто из участников дисциплинарного производства, явившихся в заседание Совета, не выразил несогласия с таким подходом в ответ на прямо поставленный перед ними вопрос.

Переходя к оценке конкретных слов и выражений адвоката Д., являющихся предметом настоящего дисциплинарного производства, Совет, как уже неоднократно делал по другим дисциплинарным делам, обращает внимание на следующее.

Правила и требования профессиональной этики, регулирующие взаимоотношения между адвокатами, а также возлагающие на адвоката обязанности при всех обстоятельствах сохранять достоинство и не допускать никаких действий, направленных к подрыву доверия и умалению авторитета адвокатуры, включая правила, относящиеся к публичному поведению адвокатов, являются основополагающими правилами профессионального поведения, отражающими саму суть адвокатской профессии, устоев и традиций адвокатуры.

К числу этих требований и правил, в частности, относятся следующие требования Кодекса профессиональной этики адвоката:

- «Адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав» (п. 1 ст. 15);

- «Адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры» (подп. 1 п. 2 ст. 15);

- «Адвокаты при всех обстоятельствах должны сохранять честь и достоинство, присущие их профессии» (п. 1 ст. 4);

- «Адвокат обязан уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению (п. 2 ст. 8),

а также положения Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных 28 сентября 2016

г. Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации (Протокол № 7), в частности, следующие:

- «Принадлежность к адвокатскому сообществу как к институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета» (п. 1.2.);

- «Вступая в адвокатское сообщество и принося присягу, адвокат добровольно принимает установленные правила поведения, вытекающие из характера и особенностей избранной им профессии. Поведение адвоката в сети «Интернет», как форма его публичной активности должно отвечать тем же требованиям, что и иные действия адвоката в профессиональной сфере, при условии, что очевидна принадлежность адвоката к адвокатскому сообществу или это недвусмысленно явствует из его поведения» (п. 1.3.);

- «При комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими правилами» (подп. 2.2.3.);

- «Высказываниям адвоката в сети «Интернет» должны быть чужды правовой нигилизм, любой вид агрессии, розни и нетерпимости» (подп. 2.3.1.);

- «Адвокат обязан вести себя уважительно и не допускать оскорбительного поведения» (подп. 2.3.2.).

Данные требования и правила являются универсальными и императивными, адвокат не вправе отступать от них как по собственной инициативе, так и в ответ на подобные действия других адвокатов или иных лиц, а также по любым иным причинам.

Таким образом, требование к адвокату сохранять честь и достоинство, присущее профессии, уважать права, честь и достоинство других лиц не ограничивает адвоката в реализации его права иметь и выражать свое мнение по профессиональным вопросам. Однако форма выражения мнения или дачи оценки должна быть корректной, не содержащей оскорблений или выражений, умаляющих честь и достоинство как самого адвоката, так и других лиц, в том числе, коллег.

Оценивая с учётом вышеуказанных требований допустимость применения адвокатом Д. слов «афера», «аферисты», «сумасшедшие», Совет, как и Комиссия, исходит из следующего. Общеупотребительное (разговорное) значение слова «афера» и производного от него слова «аферист» определяется

как «сомнительное, неблагоприятное предприятие, преследующее цели личной наживы» («пуститься на аферы или в аферы. Выгодная афера») (*Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. Издательство «Альта-Принт». 2009). Как правило, рассматриваемое слово используется в неодобрительном контексте и означает «рискованное, сомнительное и неблагоприятное дело, предприятие с целью личной наживы» (См., например, Национальный корпус русского языка // <<http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>>).

Оценивая использование этого слова в выражениях адвоката Д., приведённых в жалобах заявителей, Совет учитывает, что адвокат Д. использовал его в интервью, предназначенном неопределённо широкой аудитории. Использование адвокатом общеупотребительных слов, не относящихся к обценной лексике и не выраженных в неприличной, неуважительной (уничижительной) форме, при высказывании своего мнения, в том числе, при оценке правовой ситуации, является допустимым и не противоречит требованиям профессиональной этики. В профессиональной деятельности адвоката могут иметь место ситуации, требующие доведения до широкой общественности своего мнения и оценки правовой ситуации в словах и выражениях, доступных для понимания большинства зрителей (слушателей, читателей), не имеющих юридического образования. При этом адвокат как независимый советник по правовым вопросам вправе давать различные оценки правовой ситуации в одобрительном или неодобрительном контексте. В связи с этим Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что адвокат Д. не допустил нарушений норм профессиональной этики адвоката, давая оценку правовой ситуации с использованием в неодобрительном контексте общеупотребительного слова «афера» и производных от него слов «аферист», «аферисты» и т.п., без однозначной привязки их к каким-либо конкретным лицам («...*может быть... аферисты скажут...*»).

Слово «сумасшедший» в русском языке имеет несколько значений. Так, помимо используемого заявителями жалобы значения: «человек, страдающий психическим расстройством», которое является разговорным и не является специальным медицинским термином, существуют и другие разговорные значения этого слова: «сумасшедший – крайне безрассудный, безумный» (например, «сумасшедшие планы», «сумасшедшие идеи» или «сумасшедший – крайний, исключительный (по величине, степени), «сумасшедшая скорость», «сумасшедшие деньги» (очень большие)) (*Ожегов С.И., Шведов Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ». 1992).

Как установлено материалами дисциплинарного производства, адвокат Д. употребил слово «сумасшедший» в контексте своей оценки лиц, предъявивших требования к его доверителю – К. При этом такая оценка последовала после вынесения судом решения об отказе в удовлетворении их иска в полном объеме. Такой контекст употребления рассматриваемого слова свидетельствует о том, что оно использовано адвокатом Д. для характеристики лиц, предъявивших претензии к его доверителю, как крайне безрассудных, по

всей видимости, в связи с их явно необоснованными требованиями, признанными таковыми судом. Использование указанного слова в обозначенном контексте является допустимым риторическим приемом, усиливающим эмоциональную оценку правовой ситуации, разрешённой судом вопреки позиции ее инициаторов.

Каких-либо доказательств того, что данное слово использовано для характеристики лиц, обратившихся с правовыми требованиями к доверителю адвоката Д. – К., именно как страдающих психическими расстройствами, заявителями не представлено, и для такого вывода нет оснований. Кроме того, вопреки доводам заявителей, указанное выражение не было сопровождено прямым указанием на «самого истца и адвокатов, представляющих его интересы», то есть, на конкретное лицо (лиц).

Что касается использования выражений «наглые претензии», «юридическая девственность», «не пахло, а воняло», то они не содержат каких-либо признаков, которые могли бы свидетельствовать о недопустимости их использования адвокатом в интервью. Эти выражения эмоционально окрашены, составлены с использованием приемов явного и намеренного преувеличения (усиления). Использование таких приемов имеет своей целью подчеркивание сказанного, усиление его выразительности, что не только допустимо, но и рекомендовано в методической литературе для отдельных ситуаций в ходе публичных выступлений адвокатов (См., например, «Адвокат: навыки профессионального мастерства» (под ред. Л.А. Воскобитовой, И.Н. Лукьяновой, Л.П. Михайловой). М.: Волтерс Клувер, 2006).

Совет считает необходимым изменить мотивировку одного из выводов Квалификационной комиссии, соглашаясь с этим выводом по существу.

Так, адвокат Д. последовательно утверждает, что считает действия своих процессуальных оппонентов, в том числе адвоката Т., направленные на требование у его доверителя К. денежных средств, уголовно наказуемым вымогательством, и эта его оценка выражена, в том числе, в поданном им заявлении о преступлении, а принятое по данному заявлению процессуальное решение об отказе в возбуждении уголовного дела он считает необоснованным и намерен продолжать добиваться возбуждения уголовного дела. Изложенная позиция адвоката Д. не опровергнута материалами дисциплинарного производства, в связи с чем Совет полагает, что у Квалификационной комиссии не было оснований приводить иную мотивировку по данному вопросу при оценке соответствующих высказываний адвоката Д.. Поэтому Совет не может согласиться с мнением Комиссии, высказанным ею в Заключение, о том, что слово «вымогательство» было публично произнесено адвокатом Д. указанном контексте не в юридическом, а в общеупотребительном (бытовом) значении, и в силу этого не может рассматриваться как обвинение в преступных действиях. Совет отклоняет эту мотивировку, приведённую Комиссией, как не основанную на установленных ею фактических обстоятельствах. Вместе с тем, Совет признаёт, что

высказывания адвоката Д., содержащие его личную профессиональную оценку действий его процессуальных оппонентов как уголовно наказуемого вымогательства, не образуют дисциплинарного нарушения, поскольку они представляют собой мнение, выраженное им при осуществлении профессиональной деятельности, и приговором суда не была установлена виновность адвоката Д. в преступном действии (бездействии). В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и вопреки мнению адвоката Т. и его представителя, за такое выражение мнения адвокат не может быть привлечён к какой-либо ответственности. Кроме того, анализируемые высказывания не были сделаны адвокатом Д. в неприличной (неуважительной) форме, не соответствующей стилю делового общения адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признаёт дисциплинарные обвинения в использовании адвокатом Д. всех перечисленных выше выражений необоснованными, а презумпцию добросовестности адвоката Д. в указанной части – непровергнутой.

Переходя к анализу допустимости использования выражения «...профекаливают абсолютно все, за что берутся...», Совет отмечает следующее. Несмотря на отсутствие этого слова в общераспространённых словарях русского языка, для носителя языка очевидно, что словообразующим для глагола «профекалить» («профекаливать», «профекаливают») является существительное «фекалии», означающее «кал», «экскременты», «испражнения». Таким образом, глагол «профекаливают» в контексте сделанного Д. высказывания вне разумных сомнений употреблен им как синоним общеизвестного жаргонизма «просирают» (у которого, в свою очередь, имеется общеизвестный ненормативный синоним «про.....ют»), в значении «проигрывают».

Как указано выше, адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие авторитет адвокатуры. Поэтому использование адвокатом в публичных выступлениях, в том числе, в интервью, жаргонизмов должно осуществляться с большой осторожностью, с соблюдением конституционного принципа, согласно которому «Достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» (ч. 1 ст. 21 Конституции РФ).

То обстоятельство, что адвокат Д. употребил в интервью именно это слово – хотя и необычное, но не вызывающее сомнений ни в его значении, ни в его крайне негативной коннотации, ни в его явном несоответствии стилю делового общения адвоката (вопреки мнению представителя адвоката Д. – адвоката Б.), свидетельствует о проявленной адвокатом Д. особой изощрённости в реализации своего стремления унижительно высказаться в отношении процессуальных оппонентов.

Использование адвокатом Д. глагола «профекаливают» в отсутствие персонализации лиц, по отношению к которым это слово было высказано («адвокаты французской стороны»), а также позиция адвоката Д., согласно

которой это высказывание «было сделано не в отношении адвоката Т. и адвоката А., а в отношении третьих лиц» (письменное объяснение, вх. № ... от 29.01.2018), не меняет приведённой выше его оценки как жаргонизма, не соответствующего стилю делового общения. В другом письменном объяснении (вх. № ... от 17.04.2018) адвокат Д. уточнил, что, высказывая данную фразу, имел в виду юристов французских авторов, не назвав их персонально. Учитывая, что в ходе дисциплинарного производства не представилось возможным достоверно установить конкретных лиц, в отношении которых была произнесена рассматриваемая фраза, и, соответственно, наличие или отсутствие у этих лиц статуса адвоката, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что действия адвоката Д., выразившиеся в произнесении в интервью приведённого выше высказывания, подлежат квалификации как нарушение требований п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката в части обязанности адвоката придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению, а не как нарушение требований п. 1 ст. 15 и пп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, относящихся к поведению адвоката в отношении других адвокатов.

В отличие от проанализированного выше высказывания адвоката Д., в его следующем выражении: *«...К нему, на мой взгляд, пришел господин Т., которому нейметя после его последних нападков на господина К., и сказал, «Ну, давай еще потявкаем»*,- содержится прямая персонализация адвоката Т., предположительное суждение о действиях и словах которого было высказано адвокатом Д.

Несмотря на то, что данная фраза была высказана адвокатом Д. в форме предположения, она подлежит оценке на соответствие указанным выше требованиям, предъявляемым Кодексом профессиональной этики адвоката к публичным высказываниям адвоката.

Как уже было отмечено выше, адвокат вправе высказывать свое мнение, в том числе, в форме предположения, о событиях, которые имели или должны были иметь место. Вне зависимости от прогностического (предположительного) характера высказанного мнения, на форму его выражения распространяются общие требования об уважении прав, чести и достоинства других адвокатов, о деловой манере общения. Это означает, что адвокат Д. бесспорно имел право публично высказать свои предположения относительно инициативы адвоката Т. в возбуждении процедуры рассмотрения правового спора, и такая инициатива сама по себе, вопреки мнению заявителей, не могла бы рассматриваться как навязывание адвокатом своей помощи третьим лицам. П. 6 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката запрещает адвокатам «навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами». В анализируемом высказывании адвоката Д. отсутствуют какие-либо данные о том, что его

предположение об инициировании адвокатом Т. возбуждения процедуры рассмотрения правового спора основывалось на убеждении в использовании указанных недостойных методов.

Вместе с тем, Совет соглашается с Квалификационной комиссией и признаёт неуважительным по отношению к коллеге высказывание адвоката Д., характеризующее форму обращения адвоката Т. к «истцу», в виде предложения: *«Ну, давай еще потявкаем»*. Совет отмечает, что глагол «тявкать» относится к описанию действий собак (лис) и обозначает «отрывисто лаять» (Ожегов С.И., Шведов Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Издательство «Азъ». 1992). В «Новом словаре русского языка» указывается на несколько значений этого глагола – «отрывисто лаять» или «издавать звуки, похожие на отрывистый лай» (разговорное употребление), и «ворчать, браниться» в переносном разговорно-сниженном значении (Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000 // <https://www.efremova.info>). Употребление адвокатом выражений, в которых коллеге приписываются действия, характерные для животных, или, как в данном случае, происходит уничижительное сравнение с поведением животных, недопустимо, поскольку является проявлением явного неуважения к коллеге путём использования выражения, умаляющего его честь и достоинство.

Совет отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Д. – адвоката Б. об ироническом и иносказательном, наподобие используемого в баснях, значении слова «тявкать», в котором его якобы употребил адвокат Д.. Совет отмечает, что предложенная адвокатом Б. аналогия с басней И.А. Крылова «Слон и Моська» не подтверждает, а опровергает данный довод, поскольку наглядно демонстрирует отсутствие какой-либо иносказательности в анализируемом высказывании адвоката Д., в котором, в отличие от басни, речь идёт о людях, которым в их профессиональной деятельности приписывается поведение животных. Не усматривает Совет в рассматриваемом высказывании адвоката Д. и признаков «интеллектуальной издёвки», поскольку такая издёвка, во-первых, не должна высказываться в неуважительной форме, а во-вторых, предполагает наличие интеллектуальной составляющей, каковой составляющей в употреблении слова «потявкаем» не усматривается.

Поэтому, как и в случае с глаголом «профекаливают», Совет оценивает употребление адвокатом Д. глагола «потявкаем» как его сознательный выбор, свидетельствующий о проявленной им особой изощрённости в реализации стремления публично продемонстрировать откровенно неуважительное, уничижительное отношение к другому адвокату.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод представителя адвоката Д. – адвоката Б. о якобы обнаружившемся отсутствии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в части, касающейся данного дисциплинарного обвинения, в связи с тем, что в жалобе заявителей было указано слово «повякаем», а в результате дисциплинарного производства

установлено, что в действительности было произнесено не это слово, а слово «потявкаем». Совет обращает внимание адвоката Б., что это уточнение дисциплинарного обвинения внесено в ходе дисциплинарного производства в Квалификационной комиссии именно по его ходатайству, заявители с этим уточнением согласились, и оно никак не свидетельствует об утрате допустимого повода, равно как и о выходе за пределы предмета жалобы.

Завершая оценку доводов дисциплинарных обвинений, Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что явно неуважительными, оскорбительными и недопустимыми с этической точки зрения являются используемые для характеристики лица и его поведения слова и выражения, обращенные к интимной сфере взаимоотношений, содержащие сальные намёки и вульгарные сравнения с физиологическими процессами. Подобные высказывания обычно относятся к пошлым, а вовсе не к ироничным. Поэтому очевидно, что публично высказанное адвокатом Д. предположение о наличии у адвоката Т. «...эрекции на мою машину», гомосексуальных наклонностей («...что в меня влюбился и почему в меня влюбился, собственно, однополая любовь, господин Т.»), а также сравнение адвоката Т. с одной из главных героинь эротического романа «Пятьдесят оттенков серого» и одноимённого фильма, в которых раскрываются сексуальные садомазохистские взаимоотношения между половыми партнерами, имеет своей целью продемонстрировать предельно отрицательную, уничижительную оценку личности адресата высказывания, подчеркнуть его неполноценность, ущербность в глазах говорящего и возбудить такое же отношение к нему у аудитории. Совет признаёт, что приведенные выше выражения адвоката Д. умаляют честь и достоинство адвоката Т. и явно не соответствуют требованиям о необходимости построения отношений с другими адвокатами на основе взаимного уважения. При этом у Совета, как и в отношении двух ранее проанализированных выражений адвоката Д., отсутствуют какие-либо разумные сомнения в сознательном выборе адвокатом Д. именно таких слов и высказываний для публичной демонстрации откровенно неуважительного, уничижительного отношения к другому адвокату.

К такому выводу Совет приходит как в результате приведённого анализа всех трёх рассматриваемых высказываний, так и с учётом большого опыта и разнообразной практики публичных выступлений адвоката Д., позволяющих ему свободно и непринуждённо вести себя при общении с журналистами и выбирать наиболее подходящие, по его мнению, слова из обширного словарного запаса.

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката Д. в отношении приведённых выше трёх высказываний опровергнутой, а его умышленную вину в совершении указанных дисциплинарных нарушений полностью установленной.

Совет отклоняет как явно несостоятельный довод представителя адвоката Д. - адвоката Б. об истечении шестимесячного срока применения мер

дисциплинарной ответственности, предусмотренного п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, поскольку этот срок исчисляется с момента обнаружения проступка органами адвокатского самоуправления (а не «обиженной стороной», как ошибочно полагает адвокат Б.). Первая из жалоб заявителей, явившаяся поводом для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, поступила в Адвокатскую палату гор. Москвы 18 января 2018 года. Соответственно, на момент рассмотрения Советом дисциплинарного дела указанный срок не истёк.

Вместе с тем, согласно п. 8 ст. 23 Кодекса профессиональной этики адвоката, довод жалобы заявителей об участии адвоката Д. в негласном оперативно-розыскном мероприятии 29.11.2016 не может быть предметом проверки в настоящем дисциплинарном производстве с вынесением Квалификационной комиссией заключения по существу, поскольку на момент возбуждения дисциплинарного производства истёк предусмотренный п. 5 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок применения к адвокату мер дисциплинарной ответственности, который в период совершения адвокатом Д. указанных действий составлял один год с момента совершения проступка.

Совет также не может согласиться с мнением представителя адвоката Д. - адвоката Б. о малозначительности совершённых адвокатом Д. дисциплинарных нарушений по основаниям, указанным ниже при обосновании избранной меры дисциплинарной ответственности.

Определяя, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершённые им дисциплинарные нарушения, Совет принимает во внимание их неоднократность, изощённо-грубый и умышленный характер, что свидетельствует о намеренном и устойчивом игнорировании адвокатом Д. требований профессиональной этики об уважительном отношении к другим адвокатам и соблюдении делового стиля общения. Вместе с тем, Совет учитывает, что ранее к адвокату Д. меры дисциплинарной ответственности не применялись, а также то, что он выразил сожаление в связи со своим публичным поведением, оскорбившим заявителей, и письменно заверил Совет в искренности этих своих сожалений. При таких обстоятельствах Совет большинством голосов полагает возможным применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания, как наиболее соответствующую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2019 год

3. Совет применил к адвокату меру дисциплинарной ответственности в виде замечания за высказывание в адрес доверителя угрозы причинения вреда здоровью с использованием обценной

лексики. Все остальные дисциплинарные обвинения признаны необоснованными.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 января 2019 г. с участием адвоката И. ...и заявителя жалобы К. дисциплинарное производство в отношении адвоката И. ...возбужденное по жалобам К. от 12 июля 2018 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 7 ноября 2018 г. адвокатом И. допущено нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат обязан уважать права, честь и достоинство... доверителей... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), что выразилось в высказывании им по телефону 19 апреля 2018 г. угроз доверителю К., сопряженных с намерением причинить ему телесные повреждения и вред здоровью, сопровождавшихся обценной лексикой («мудак», «подонок», п***т», мразь»).

В оставшейся части дисциплинарное производство признано Квалификационной комиссией подлежащим прекращению.

...Адвокат И. в заседание Совета 30 января 2019 г. явился, согласился в полном объеме с выводами Квалификационной комиссии.

Заявитель жалобы К. в заседание Совета 30 января 2019 г. явился, с выводами Квалификационной комиссии не согласился по мотивам, изложенным в ранее поданном письменном заявлении. Выступая в заседании Совета, заявитель жалобы К. повторно привел ранее изложенные в жалобе и заявлении доводы о недостойном, по его мнению, поведении адвоката И., умаляющем и порочащем честь и достоинство всего адвокатского сообщества, о нарушении адвокатом И. Кодекса профессиональной этики адвоката, о неисполнении им принятых на себя обязательств по защите интересов доверителя, об оскорблении чести и достоинства доверителя и просил Совет применить в отношении адвоката И. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства. 28 апреля 2017 г. заявитель К. обратился за юридической помощью к адвокату И., являющемуся членом и заместителем директора Адвокатского бюро «...». В тот же день между Адвокатским бюро «...» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Данный договор был заключен в кафе, а не в офисе Адвокатского бюро «...». Предметом указанного договора являлось оказание адвокатом И. юридической помощи по защите прав К. в отношении Н. и ООО «...» о возврате денежных средств и ценных бумаг, принадлежащих на праве собственности К., находившихся на его счетах в ООО «...», которыми должна

была управлять на основании выданной доверенности Н. 28 апреля 2017 г. заявитель К. внес... тысяч рублей в счет оплаты по договору об оказании юридической помощи от 28 апреля 2017 г. (копия квитанции № ...). 25 января 2018 г. между Адвокатским бюро «...» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. было подписано дополнительное соглашение к договору на оказание юридической помощи от 28 апреля 2017 г. Адвокат И. 15 августа 2017 г. получил от К. по акту приема-передачи документы для оказания правовой помощи. 15 ноября 2017 г. адвокатом И. было подано исковое заявление в П. районный суд города Москвы. Определением от 15 ноября 2017 г. судья П. районного суда С. возвратил исковое заявление на основании п. 4 ч. 1 ст. 135 ГПК РФ в связи с тем, что к иску не был приложен оригинал доверенности представителя. Оригинал доверенности адвокат И. предъявил в экспедиции П. районного суда города Москвы при подаче иска. Адвокат И. обжаловал действия федерального судьи С. в Московском городском суде. В ответ на жалобу Московский городской суд сообщил, что судья С. уволен в декабре 2017 года. Исковое заявление было подано повторно, принято П. районным судом города Москвы и стало предметом рассмотрения по гражданскому делу... (истец К., ответчик Н.). Судебные заседания по делу состоялись 12 марта, 10 апреля, 17 мая, 19 июня, 1, 21 и 28 августа 2018 г. К. 20 апреля 2018 г. заявил о прекращении сотрудничества и потребовал у адвоката И. срочно передать адвокату Ко. доверенность на адвоката И., судебные запросы и другие документы по делу. Вечером того же дня адвокат И. передал Ко. оригинал доверенности на представление интересов К., судебные запросы и другие документы.

21 июля 2017 г. между Адвокатским бюро «...» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Предметом данного договора было оказание юридической помощи по защите прав доверителя в правоохранительных органах по вопросу о возврате денежных средств, переданных Л. (М.) при заключении договора долевого участия... от 25 декабря 2008 г., а также по договору займа от 20 ноября 2008 г. К. 21 июля 2017 г. произвел оплату вознаграждения адвоката в размере... тысяч рублей. 5 октября 2017 г. адвокатом И. в интересах К. было направлено заявление о преступлении в отношении Л. (М.) в прокуратуру... административного округа города Москвы. 9 октября 2017 г. это же заявление К. отправил посредством почтовой связи в ... межрайонную прокуратуру... административного округа города Москвы. 1 декабря 2017 г. К. получил по почте копию постановления об отказе в возбуждении уголовного дела от 7 ноября 2017 г. Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела было вынесено по результатам проверки материалов, зарегистрированных в КУЗСП Отдела МВД по... району города Москвы 1 ноября 2017 г. за № 43... Данное постановление было обжаловано. 12 февраля 2018 г. К. получил по почте второй ответ из Отдела МВД по... району города Москвы, а именно постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, датированное 29

декабря 2017 г., по материалу, зарегистрированному КУЗСП 22 декабря 2017 г. за № 49...

29 декабря 2017 г. между Адвокатским бюро «...» в лице заместителя директора, адвоката И. и К. был заключен договор на оказание юридической помощи. Предметом договора являлось оказание адвокатом юридической помощи по защите прав доверителя в споре с Н. о возврате денежных средств, находившихся на счете доверителя в АБ «Б.», где Н. должна была представлять интересы К. и управлять в его интересах на основании доверенности от 18 ноября 2012 г., но своих обязательств не исполнила. Денежные средства по договору от 29 декабря 2017 г. были получены адвокатом И. 25 января 2018 г. (квитанция № ...). 14 марта 2018 г. исковое заявление было принято к производству П. районного суда города Москвы... По указанному делу состоялись судебные заседания 16 апреля, 14 мая и 14 июня 2018 г.

Не ранее 9 апреля 2018 г. между адвокатом И. и К. произошел личный конфликт, вызванный звонком К. на мобильный телефон супруги адвоката И., находившейся в этот момент в больнице, с претензиями в адрес адвоката. Адвокат И. написал К. смс-сообщение: «Не надо больше звонить моей жене». Несмотря на это, К. опять позвонил жене адвоката И., после чего адвокат И. позвонил К., и 19 апреля 2018 г. между ними состоялся резкий разговор на повышенных тонах с переходом «на личности» и с использованием адвокатом И. обценной лексики.

Заявитель жалобы К. обвинил адвоката И. в заключении договора об оказании юридической помощи вне офиса адвокатского образования, в неисполнении обязательств по заключенным договорам оказания юридической помощи, в неявке в судебные заседания, в разглашении сведений, составляющих адвокатскую тайну, в невозвращении документов, полученных от доверителя, в оскорблении и угрозах в адрес доверителя.

Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о нарушении адвокатом И. требований п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, что выразилось в высказывании им по телефону 19 апреля 2018 г. угроз доверителю К., сопряженных с намерением причинить ему телесные повреждения и вред здоровью, сопровождавшихся обценной лексикой. Адвокат И. данный факт не оспаривал.

...В соответствии с п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат обязан «Уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению». Таким образом, высказывание угроз доверителю, сопряженных с намерением причинить телесные повреждения и вред здоровью доверителя, с использованием обценной лексики недопустимо и образует нарушение указанного требования профессиональной этики адвоката. При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката И. опровергнутой, а его вину в указанном нарушении установленной.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката И. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что оно было совершено умышленно, однако он учитывает, что инициатором конфликта являлся доверитель К., который позвонил жене адвоката И., находившейся в родильном доме в связи с беременностью, и высказал ей в адрес адвоката И. претензии и оскорбления, что повлекло за собой негативные последствия для здоровья жены. Последующие действия адвоката И., образующие дисциплинарное нарушение, явились реакцией на эти действия К. Совет также учитывает, что адвокат И. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался, нарушение признал. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату И. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Одновременно с этим Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии о необходимости прекращения в оставшейся части настоящего дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

В части обвинений К. в нарушении адвокатом И. норм законодательства об адвокатуре в связи с заключением договоров на оказание юридической помощи в кафе Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии, а именно: «...особенность осуществления адвокатской деятельности требует от адвоката проведения переговоров и оформления договорных отношений с доверителем в комфортных деловых условиях, обеспечивающих конфиденциальность общения и спокойное принятие решений. Как правило, такие условия достигаются при поведении переговоров в офисных помещениях или специально оборудованных комнатах переговоров. Между тем, учитывая размеры города Москвы, Квалификационная комиссия констатирует, что далеко не всегда адвокат и доверитель имеют возможность встретиться в офисном помещении адвоката и обсудить детали оказания юридической помощи и оформления договорных отношений». Таким образом, сам по себе факт общения между заявителем К. и адвокатом И. в кафе и оформления в нем договорных отношений не может свидетельствовать о нарушении последним законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации.

В части дисциплинарных обвинений в неявке адвоката И. в судебные заседания П. районного суда города Москвы по делу № 02-20... 17 мая, 19 и 28 июня, 21 и 28 августа 2018 г., а также в судебные заседания того же суда по делу № 02-23... 14 мая и 14 июня 2018 г., в необжаловании судебных актов по указанным делам, неполучении сведений о результатах обжалования

судебных актов, передаче документов, полученных от доверителя, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии у адвоката И. обязанности по явке в указанные судебные заседания и отсутствию у него в указанный период полномочий (доверенности) на представление интересов заявителя К.

Так, Квалификационной комиссией установлено, что 20 апреля 2018 г. доверитель К. заявил адвокату И. о прекращении сотрудничества с ним и потребовал срочно передать доверенность на представление его интересов в суде. В обоснование своих доводов адвокат И. сослался на смс-сообщение К. следующего содержания: «Е. позвонит в течение часа! Прошу подготовить к передаче весь комплект документов по судам, включая доверенность от 2018 г.!».

Участники дисциплинарного производства не оспаривали то обстоятельство, что вечером 20 апреля 2018 г. адвокат И. по поручению доверителя К. передал своей коллеге, адвокату Ко., пакет документов. При этом адвокат И. указывает на то, что 20 апреля 2018 г. он передал адвокату Ко. полный пакет документов, включая доверенность на право представления интересов К. в судах. В свою очередь К. не представил доказательств, опровергающих указанное обстоятельство. Более того, заявитель К., утверждая, что адвокат И. передал ему не все документы, в своей жалобе не указывает на то, какие же именно документы были удержаны адвокатом И.

При таких обстоятельствах Совет считает указанные выше доводы адвоката И. не опровергнутыми и признает установленным, что доверитель К. 20 апреля 2018 г. вне разумных сомнений изъявил свою волю прекратить действие соглашений об оказании юридической помощи с адвокатом И., в подтверждение чего потребовал возвращения адвокатом доверителю доверенности на право представления его интересов в судах. Данное волеизъявление доверителя было исполнено адвокатом И. В связи с этим Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу о том, что после 20 апреля 2018 г. адвокат И. не имел ни обязанности, ни полномочий представлять интересы К. в судебных заседаниях П. районного суда города Москвы, а его неявка в указанные выше судебные заседания была именно этим обстоятельством. По этим же причинам адвокат И. не должен был после 20 апреля 2018 г. получать сведения в П. районном суде города Москвы о результатах подачи апелляционной жалобы по делу № 02-23... Приведенные доводы также свидетельствуют об отсутствии нарушений в действиях адвоката И. при возвращении документов доверителю К. Сам по себе факт отсутствия акта приема передачи-документов не может свидетельствовать о том, что адвокат И. удерживает у себя «подлинники важнейших документов», наименования которых заявитель даже не указывает.

В части дисциплинарных обвинений в отказе адвоката И. направлять судебные запросы и в допущении адвокатом И. «существенных ошибок» в этих запросах Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что направление судебных запросов адресатам является прерогативой суда,

принявшего соответствующее решение. Существующий обычай делового оборота содействовать суду в направлении судебных запросов не может свидетельствовать о том, что на адвоката возлагается безусловная обязанность за свой счет или своими силами обеспечить получение адресатами судебных запросов. Направление запросов является техническим действием, не требующим специальных познаний в сфере юриспруденции. В связи с этим направление судебных запросов не может рассматриваться как составная часть оказания юридической помощи, если об этом прямо не указано в соглашении об оказании юридической помощи. Применительно к допущенным «существенным ошибкам» в судебных запросах (неверное указание адресов, наименований, форм и т.п.), ... претензии к их содержанию не могут быть предъявлены адвокату И. Автором судебных запросов является соответствующий суд, принявший решение об их направлении адресатам. Поэтому на адвоката не может быть возложена ответственность за допущенные судом ошибки.

В части дисциплинарных обвинений в нарушении сроков исполнения поручений доверителя (затягивание сроков подготовки исковых заявлений и ненадлежащее оформление исковых заявлений, что повлекло их возвращение) Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии о том, что заявителем К. не опровергнуты доводы адвоката И. о том, что задержки в передаче подготовленных исковых заявлений были обусловлены не нарушением сроков их подготовки, а просьбой самого доверителя К. направить их позже по различным причинам, в том числе, в связи с отбыванием уголовного наказания. Так, адвокат И. указал, что нарушение сроков подачи заявления о преступлении было обусловлено не его волокитой при подготовке, а просьбой К. отложить подачу заявления до 24 сентября 2017 г., даты окончания отбывания им наказания в виде исправительных работ за совершение преступления. Каких-либо доказательств, опровергающих этот довод адвоката И., заявитель К. не представил. При этом заявитель, предъявляя претензии к качеству оказания юридической помощи при подготовке исковых заявлений, не указывает, в чем конкретно выразилось неправильное указание количества ценных бумаг, счетов, других «существенных аспектов», какая позиция была выбрана адвокатом, и почему она была неправильной. Что же касается возвращения искового заявления от 15 ноября 2017 г., поданного в П. районный суд города Москвы, в связи с отсутствием доверенности, то адвокат И. пояснил, что к иску была приложена светокопия доверенности, а подлинник доверенности был предъявлен сотруднику экспедиции суда при подаче иска. Адвокат И. обжаловал решение федерального судьи С. в Московском городском суде. В ответ на жалобу Московский городской суд сообщил, что федеральный судья С. уволен в декабре 2017 года. Исковое заявление было подано повторно и принято П. районным судом города Москвы. В связи с этим Совет не усматривает и в этой части нарушения адвокатом И. норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации.

В части дисциплинарного обвинения в отказе адвоката И. консультировать заявителя по вопросам законодательства и судебной практики при подготовке заявления о преступлении в отношении Л. (М.) Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что это обвинение не подтверждено доказательствами.

Полностью опровергнуто дисциплинарное обвинение в том, что адвокат И. «отказался поехать на личный прием к дежурному прокурору» в целях отмены постановления об отказе в возбуждении уголовного дела. Как следует из приобщенных к материалам дисциплинарного производства светочертий документов, адвокат И. именно на личном приеме в... межрайонной прокуратуре города Москвы 2 марта 2018 г. подал жалобу на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела от 29 декабря 2017 г.

В части дисциплинарного обвинения в том, что на соглашении об оказании юридической помощи от 29 декабря 2017 г., заключенном между К. и Адвокатским бюро «...», отсутствует печать адвокатского образования, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что указанное обвинение не соответствует требованиям закона, поскольку ст. 23 и 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» не требуют на соглашении об оказании юридической помощи обязательного проставления печати адвокатского бюро.

То обстоятельство, что в ордере адвоката И. была допущена ошибка при указании даты заключения соглашения об оказании юридической помощи (вместо договора от 28 апреля 2017 г. был указан договор от 29 декабря 2017 г.), не свидетельствует о нарушении адвокатом И. требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации. Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что данная ошибка носит технический характер. Каких-либо правовых последствий из-за неправильного указания даты соглашения об оказании юридической помощи в ордере адвоката И. не имелось. Адвокат И. был допущен на основании указанного ордера к участию в деле и представлял интересы доверителя К. При этом законодательство не содержит положения, регламентирующего срок оформления ордера после заключения соглашения об оказании юридической помощи.

В части дисциплинарных обвинений, касавшихся нахождения адвоката И. в состоянии алкогольного опьянения при передаче документов 20 апреля 2018 г., отсутствия у него адвокатского досье (адвокатского производства), отказа адвоката И. от общения с доверителем К. по телефону и систематического переноса встреч с ним, самостоятельной подготовки доверителем искового заявления в П. районный суд города Москвы 15 ноября 2017 г., отказа адвоката И. в даче консультаций по соглашению об оказании юридической помощи от 29 декабря 2017 г., Совет соглашается с выводами Квалификационной комиссии и признает указанные дисциплинарные обвинения необоснованными, поскольку заявителем не представлено каких-либо доказательств в их подтверждение.

В части дисциплинарного обвинения в неквалифицированном оказании адвокатом И. юридической помощи в связи с подготовкой исковых заявлений совместно с доверителем Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии об отсутствии нарушений, поскольку то обстоятельство, что исковое заявление в рамках исполнения обязательств по соглашению от 29 декабря 2017 г. было подготовлено адвокатом И. совместно с доверителем К., не может свидетельствовать о неквалифицированном оказании юридической помощи. Совет вслед за Квалификационной комиссией отмечает, что по некоторым делам исковые заявления могут быть квалифицированно подготовлены только в тесном взаимодействии с доверителями в отношении описания фактов или расчетов. Учитывая, что рассматриваемое исковое заявление напрямую касалось исчисления процентов, подлежащих взысканию с ответчика Н., то описанная в жалобе форма взаимодействия адвоката и доверителя при подготовке искового заявления является допустимой и оправданной.

В части дисциплинарного обвинения в том, что адвокат И. позволил себе высказывание относительно проблемы К. и поведения Н. в присутствии третьих лиц, а именно адвоката Ко., Совет соглашается с Квалификационной комиссией в том, что указанное обвинение не нашло своего подтверждения. В материалах дисциплинарного производства, во-первых, отсутствуют достоверные доказательства этого факта, а, во-вторых, Квалификационной комиссией принято во внимание то обстоятельство, что адвокат Ко. являлась вторым адвокатом заявителя К., которая имела право на представление интересов последнего.

При указанных обстоятельствах Совет приходит к выводу, что презумпция добросовестности адвоката в части, касающейся вышеуказанных дисциплинарных обвинений не опровергнута, в связи с чем дисциплинарное производство в оставшейся части подлежит прекращению по основанию, предусмотренному подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

4. Совет, прекратив дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося отсутствия допустимого повода для его возбуждения, обратил внимание адвоката на допущенные ею в телевизионной передаче высказывания.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 29 марта 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката К. ...в отношении адвоката П.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 марта 2019 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката П. по жалобе адвоката К., подлежит прекращению вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Адвокат П. и заявитель, адвокат К., в заседание Совета не явились, о дне, месте и времени рассмотрения Советом дисциплинарного производства были надлежащим образом извещены.

Рассмотрев и обсудив Заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что оно подлежит прекращению в связи с обнаружившимся в ходе разбирательства отсутствием допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Указанный вывод Квалификационная комиссия обосновала тем, что произнесенные адвокатом П. в эфире вышедшей 22 октября 2018 г. на... канале российского телевидения передачи... слова и выражения в адрес адвоката К., об упречности которых последняя заявляет, были высказаны адвокатом П. не в связи с осуществлением К. профессиональной деятельности адвоката, а в связи с обсуждением избранных ею методов реализации своих гражданских прав сособственника жилого помещения в ходе возникшего вокруг него конфликта.

...Разделяя вывод Квалификационной комиссии о том, что указанные в жалобе адвоката К. высказывания адвоката П. были сделаны не в связи с профессиональной адвокатской деятельностью заявителя, Совет считает, что Комиссией правильно применен п. 4 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, согласно которому не могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства жалобы, обращения и представления указанных в настоящей статье лиц, основанные на действиях (бездействии) адвоката, не связанных с исполнением им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса.

При таких обстоятельствах дисциплинарное производство подлежит прекращению по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Принимая решение о прекращении дисциплинарного производства, Совет, вместе с тем, считает необходимым обратить внимание на следующее.

Как установлено материалами дисциплинарного производства, адвокат П. участвовала в телевизионной передаче... в качестве приглашенного эксперта. Участницей обсуждаемых событий она не являлась, и никто из их участников не являлся ее доверителем. Таким образом, высказывания адвоката П. в указанном телевизионном эфире не были направлены на защиту ее интересов либо интересов ее доверителей. При этом ею были допущены следующие высказывания в адрес адвоката К., не принимавшей участия в передаче: «А вы можете сказать, кто конкретно? Муж вот этой вот, к сожалению, моей коллеги, К., адвоката, или еще кто-то?»; «Ну, а кто же ее не знает, дама известная», «Ну, да, к сожалению, вообще у меня состояние, знаете, стыда за то, что это, к сожалению, моя коллега, которая приняла участие вот в этой вакханалии...», «Коллега К., адвокат, да, московский адвокат», «Официальный адвокат с регистрационным номером...». Далее в

ответ на реплику другого участника передачи «Надо лишать, надо поднимать вопрос о лишении статуса, официально» адвокат П. заявила: «Конечно. Это отдельная история. Да. Причем мне известны факты нелицеприятные из ее биографии, я не готова сейчас это обнародовать...».

В силу требований п. 1 и 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката «Адвокат строит свои отношения с другими адвокатами на основе взаимного уважения и соблюдения их профессиональных прав. Адвокат не должен употреблять выражения, умаляющие честь, достоинство или деловую репутацию другого адвоката либо авторитет адвокатуры».

Рекомендации по взаимодействию со средствами массовой информации, утвержденные Советом Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации 21 июня 2010 г. (Протокол № 5), требуют от адвоката воздерживаться от негативных характеристик при оценке действий коллег, даже если они представляют интересы его процессуальных противников и устанавливают, что подрыв или умаление авторитета члена сообщества противоречит нормам профессиональной этики (п. 4.2).

Совет обращает внимание на то, что уважительное отношение адвоката к другим адвокатам должно быть общим правилом для любых жизненных ситуаций. Публичное высказывание негативных оценок в отношении коллеги, связанное с упоминанием его адвокатского статуса, не способствует поддержанию уважения к членам адвокатского сообщества и адвокатуры в обществе. Высокая степень взвешенности и осторожности в высказываниях, касающихся других адвокатов, по общему правилу, предполагающая необходимость воздерживаться от оценок негативного характера, должна быть нормой поведения адвоката. Реализуя конституционные права свободы слова и высказывания мнения, адвокат должен соблюдать свойственные его профессиональному статусу разумные самоограничения, отвечающие стандартам достойного профессионального поведения.

Приведенные высказывания адвоката П. в отношении адвоката К., содержащие негативные оценки ее поведения именно в сочетании с указанием на наличие у нее статуса адвоката, хотя и не связанные с профессиональной деятельностью адвоката К., а касающиеся жилищного конфликта, в котором она в личном качестве выступает одной из сторон, не вызывались какой-либо необходимостью и не способствовали повышению доверия к профессии адвоката в обществе.

В изложенном аспекте Совет оценивает приведенные высказывания адвоката П. как не соответствующие стандартам сдержанного, ответственного и достойного публичного поведения адвоката, в том числе при взаимодействии со средствами массовой информации.

5. Использование информации о содержании конфиденциальных бесед обвиняемого с его адвокатами, явно полученной с нарушениями требований закона, является недопустимым поводом для инициирования дисциплинарного разбирательства против

адвокатов. Размещение адвокатами в средствах массовой информации сведений об условиях содержания их доверителей и иных лиц в следственных изоляторах, в том числе сообщенных адвокатам в ходе конфиденциальных бесед с доверителями, не является дисциплинарным проступком.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 30 апреля 2019 г. с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е., адвокатов Д. и Я. дисциплинарное производство в отношении адвокатов Д., Г., К., М., Т., Я. ...возбужденное по представлениям Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве от 7 февраля 2019 г. ...основанному на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации... и заместителя директора ФСИН России... и от 13 марта 2019 г. ... основанному на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации...

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 г. дисциплинарное производство в отношении всех указанных выше адвокатов подлежит прекращению вследствие отсутствия в их действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. в заседании Совета подтвердила получение заключения Квалификационной комиссии, с которым не согласилась. Считает, что комиссия необоснованно отклонила ее ходатайство об истребовании дополнительных материалов от Федеральной службы исполнения наказаний России, что отразилось на объективности и полноте дисциплинарного разбирательства. Полагает необходимым возвратить дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию для нового разбирательства.

Адвокаты Д. и Я. в заседании Совета подтвердили получение заключения Квалификационной комиссии, с которым полностью согласились. Адвокаты Г., К., М., Т. в заседание Совета не явились, ходатайствовали о рассмотрении дисциплинарного производства в их отсутствие.

...Рассмотрев заключение Комиссии и материалы дисциплинарного производства, выслушав его явившихся участников, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства. Вместе с тем Совет полагает необходимым изменить основание прекращения дисциплинарного производства. Приходя к таким выводам, Совет исходит из следующего. Как следует из содержания ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, для признания обращения допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства необходимо соблюдение совокупности требований, предусмотренных п. 1, 2,

4–6 указанной статьи.

В соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката поводом для возбуждения дисциплинарного производства является представление, внесенное в адвокатскую палату органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры. Совет разделяет вывод Квалификационной комиссии о том, что Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по субъекту Российской Федерации является органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры. Таким образом, представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве могут являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства.

В соответствии с подп. 6 и 7 п. 2 статьи 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба, представление, обращение признаются допустимыми поводами к возбуждению дисциплинарного производства, если они поданы в письменной форме и в них указаны, в том числе, конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) настоящего Кодекса; обстоятельства, на которых лицо, обратившееся с жалобой, представлением, обращением, основывает свои требования, и доказательства, подтверждающие эти обстоятельства. Данные требования в равной мере относятся к любому обращению в адвокатскую палату о возбуждении дисциплинарного производства, от кого бы это обращение ни исходило. Между тем представления Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... явившиеся поводами для возбуждения настоящего дисциплинарного производства, указанным требованиям явно не соответствуют.

Так, в представлении в отношении адвокатов Г., Д., К., Я. со ссылкой на послужившие основаниями для их внесения в Адвокатскую палату города Москвы обращения заместителя Генерального прокурора Российской Федерации... и заместителя директора ФСИН России... которые автор представлений просит считать частью последних, указано:

«...По информации, представленной УФСИН России по г. Москве, адвокаты Г., Д., К., Я. являются защитниками обвиняемого Ш. ...содержащегося в ФКУ СИЗО-... УФСИН России по г. Москве.

Обвиняемый Ш. заключен под стражу... по постановлению об избрании меры пресечения ГСУ СК РФ, утвержденной Б. районным судом г. Москвы по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Также установлено, что за время содержания Ш. под стражей в учреждениях УФСИН России по г. Москве его неоднократно посещали адвокаты Г., Д., К., Я. Во время свиданий Ш. рассказывает им о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, проблемах, связанных с медицинским обеспечением.

...в ходе проверки соблюдения федерального законодательства в части обеспечения режима содержания подозреваемых и обвиняемых в совершении

преступлений в следственных изоляторах в г. Москве выявлены факты размещения в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” публикаций о материально-бытовом и медико-санитарном обеспечении, а также иных условиях содержания подозреваемых и обвиняемых в СИЗО.

В ходе изучения вышеуказанных доводов Главным управлением установлено, что в период содержания Ш. под стражей на интернет-порталах... доступных для неограниченного круга лиц, от его (Ш.) имени неоднократно размещались статьи, в которых описываются условия содержания спецконтингента в целом и лично Ш.

Так, на сайте ... размещены следующие статьи... [далее перечислены пять статей. – *Примеч. Совета*].

Учитывая, что Ш., находясь в следственном изоляторе, лишен возможности лично размещать в сети “Интернет” указанную информацию, Главное управление считает возможным согласиться с доводами должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСИН России о причастности адвокатов Г., Д., К., Я. к вышеупомянутым публикациям либо о передаче сведений, которые стали им известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего опубликования».

Идентичные, текстуально совпадающие сведения и выводы содержатся и в представлении в отношении адвокатов М. и Т., основанном на обращении заместителя Генерального прокурора Российской Федерации... которое автор представления также просит считать его частью.

Таким образом, согласно содержанию представлений и их неотъемлемых частей, обращений заместителя Генерального прокурора Российской Федерации... и заместителя директора ФСИН России... требование о привлечении адвокатов Г., Д., К., М., Т. и Я. к дисциплинарной ответственности выдвинуто лишь на основании того, что:

– они являлись или являются защитниками Ш., содержащегося под стражей, и в качестве защитников посещали его в следственных изоляторах, в которых он содержался;

– заместителю Генерального прокурора Российской Федерации... и заместителю директора ФСИН России... известно, что «во время свиданий Ш. рассказывает им [своим адвокатам-защитникам. – *Примеч. Совета*] о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, проблемах, связанных с медицинским обеспечением»;

– «в период содержания Ш. под стражей на интернет-порталах... доступных для неограниченного круга лиц, от его (Ш.) имени неоднократно размещались статьи, в которых описываются условия содержания спецконтингента в целом и лично Ш.»;

– «учитывая, что Ш., находясь в следственном изоляторе, лишен возможности лично размещать в сети “Интернет” указанную информацию», следует «согласиться с доводами должностных лиц Генеральной прокуратуры Российской Федерации и ФСИН России о причастности его адвокатов к вышеупомянутым публикациям либо передаче сведений, которые стали им

известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего опубликования».

При этом в представлениях не содержится никаких сведений, предусмотренных подп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, а именно отсутствуют указания на конкретные действия (бездействие) адвокатов Д., Г., К., М., Т. и Я., в которых, по мнению заявителя, выразилось нарушение ими требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) Кодекса профессиональной этики адвоката, и на обстоятельства их совершения (дата, время, место, способ и пр.).

Предположительный вывод заявителя о возможной причастности указанных адвокатов «к вышеупомянутым публикациям либо передаче сведений, которые стали им известны в ходе свиданий с Ш., для дальнейшего опубликования», во-первых, сам по себе не свидетельствует о каких-либо нарушениях законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а во-вторых, основан лишь на том обстоятельстве, что перечисленные адвокаты являлись защитниками Ш. и посещали его в следственных изоляторах, а также на голословном утверждении об отсутствии у Ш. возможности лично размещать информацию на интернет-порталах.

Не приведены заявителем и критерии, по которым из всех адвокатов, посещавших Ш. в следственных изоляторах, причастными к публикациям (причем ко всем без исключения) определены именно поименованные в представлениях адвокаты, даже без сопоставления дат посещения ими обвиняемого Ш. в следственных изоляторах с датами публикаций, приписываемых последнему статей.

Совет особо отмечает, что содержание представлений и их неотъемлемых частей, обращений заместителя Генерального прокурора Российской Федерации... и заместителя директора ФСИН России... в части, касающейся изложения содержания вопросов, которые обсуждались во время свидания Ш. с его адвокатами-защитниками, свидетельствует о грубых нарушениях конституционных гарантий Ш. на конфиденциальные свидания с адвокатами-защитниками, закрепленных ст. 48 Конституции РФ и п. 9 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, а также о нарушении требований ст. 18 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой «свидания подозреваемого или обвиняемого с его защитником могут иметь место в условиях, позволяющих сотруднику места содержания под стражей видеть их, но не слышать», п. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ и п. 5 ч. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», прямо закрепляющих право адвоката встречаться со своим доверителем (в том числе, в период содержания его под стражей) наедине и конфиденциально.

Более того, в письме начальника УФСИН России по городу Москве... приложенном к представлениям, содержатся сведения о том, что: «обвиняемый Ш. во время проводимых свиданий с указанными лицами [имеются в виду все посещавшие Ш. в следственных изоляторах адвокаты. –

Примеч. Совета] рассказывает им о различных мероприятиях и процессах, происходящих в следственных изоляторах, например, в частности, касаясь проблем, связанных с медицинским обеспечением спецконтингента в целом. Также в целях получения поддержки и привлечения общественного внимания распространяет информацию о содержащихся в следственных изоляторах лицах, обвиняемых в совершении преступлений, вызвавших большой общественный резонанс, на фоне этого пытается привлечь внимание и донести до общественности недостоверные данные о том, что его уголовное дело сфабриковано сотрудниками Федеральной службы безопасности России, что он задержан неправоммерно».

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о том, что представления о привлечении адвокатов Г., Д., К., М., Т. и Я. к дисциплинарной ответственности основаны не только на неконкретной информации, не содержащей в себе какого-либо предмета оценки на соответствие профессионального поведения указанных адвокатов требованиям законодательства и профессиональной этики, но и на информации, полученной в результате незаконного осуществления контроля содержания свиданий обвиняемого Ш. с его адвокатами-защитниками. Использование информации о содержании конфиденциальных бесед Ш. и его адвокатов-защитников, явно полученной с нарушениями требований закона, для инициирования дисциплинарного преследования этих адвокатов, вызывает особое недоумение и является вдвойне недопустимым.

Совет также отмечает, что адвокаты Г., Д., К., М., Т. и Я. в своих объяснениях, как и их доверитель Ш. в своем письменном заявлении в Адвокатскую палату города Москвы от 20 февраля 2019 г., поступившем из ФКУ СИЗО-... ФСИН России... категорически отрицают получение от Ш., равно как и передачу им каких-либо запрещенных предметов либо информации незаконными способами. Сведений об обратном в представлении, включая его указанные выше неотъемлемые части, не содержится. Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. подтвердила, что такой информацией в отношении адвокатов, перечисленных в представлениях, она не располагает. Из письма начальника УФСИН России по городу Москве... следует, что фактов изъятий запрещенных предметов у адвокатов-защитников, посещавших Ш. в ФКУ СИЗО-... и ФКУ СИЗО-... УФСИН России по городу Москве, не зафиксировано.

Совет отклоняет как несостоятельные и противоречащие закону доводы представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве Е. о том, что органы адвокатского самоуправления должны сами провести проверку указанных обстоятельств, а также о том, что «адвокатура как институт гражданского общества, которая не входит в систему государственных органов, не должна размещать информацию о деятельности государственных органов, поскольку это не предусмотрено законом, и создает условия для размещения недостоверной

информации». Само по себе размещение адвокатами-защитниками в средствах массовой информации сведений об условиях содержания их доверителей и иных лиц в следственных изоляторах, в том числе сообщенных адвокатам в ходе конфиденциальных бесед с доверителями, не является дисциплинарным проступком, поскольку право каждого свободно выражать свое мнение закреплено в п. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Каких-либо ограничений данного права для этих случаев законодательством Российской Федерации не установлено.

Согласно ст. 4 Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» принципы открытости и доступности информации, а также свободы поиска, получения, передачи и распространения информации о деятельности этих органов любым законным способом относятся к основным принципам обеспечения доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления.

В силу требований п. 1 ст. 5 названного закона доступ к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления ограничивается в случаях, если указанная информация отнесена в установленном федеральным законом порядке к сведениям, составляющим государственную или иную охраняемую законом тайну.

Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и иные законодательные акты не относят сведения об условиях содержания лиц в следственных изоляторах к охраняемой законом тайне.

Соглашается Совет и с доводом адвокатов, поддержанным Квалификационной комиссией, о том, что, помимо версии о причастности защитников к публикациям, можно выдвинуть еще целый ряд версий о том, как статьи, авторство которых приписывается Ш., могли быть получены и опубликованы средствами массовой информации и иными интернет-ресурсами.

Ш. в своем вышеуказанном заявлении в Адвокатскую палату города Москвы полагает, что «нападки Прокуратуры и Минюста» на его адвокатов являются способом оказания на него давления.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в связи с обнаружившимся при разбирательстве дисциплинарного производства Советом отсутствием допустимого повода для его возбуждения.

6. Адвокату объявлено замечание за включение им в письменное обращение, направленное в электронную приемную ФССП России, слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников регионального УФССП.

Совет Адвокатской палаты города Москвы ..., рассмотрев с участием адвоката П. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. в закрытом заседании 30 апреля 2019 года дисциплинарное производство в отношении адвоката П., возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве от 24 января 2019 года № ..., основанному на обращении начальника Подольского районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по Московской области Н. (вх. № ... от 04.02.2019), установил:

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 10 апреля 2019 года адвокат П. допустил нарушение положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), выразившееся во включении им в письменное обращение от 27 ноября 2018 года, направленное в электронную приемную ФССП России, следующих слов и выражений, умаляющих честь и достоинство сотрудников ... районного отдела судебных приставов УФССП по М-й области:

(1) «на проходной указанного отдела находился олигофрен (в стадии дебильности) в форменной одежде ФССП со знаками различия, напоминающими знаки различия старшего лейтенанта...»;

(2) «я разъяснил указанному олигофрену, что направляюсь на прием к судебному приставу Ф., и предъявил удостоверение адвоката № ..., выданное 15.10.2015 ГУ Минюста России по Москве на мое имя»;

(3) «на разъяснения олигофрен реагировал неадекватно ...»;

(4) «поняв, что разговаривать с олигофреном бессмысленно, т.к. русского языка он не понимает и законодательства не знает, я со своего мобильного телефона позвонил непосредственно приставу Ф... ..»;

(5) «в то же время, очевидно, что вышеизложенную ересь олигофрен выдумал не сам, а его научил какой-то имбецил»;

(6) «прошу дать правовую оценку действиям олигофрена, сидевшего на проходной и слишком много умничавшего...».

Адвокат П. в заседании Совета с выводами Квалификационной комиссии не согласился, не отрицая установленных фактических обстоятельств. Представил письменные возражения, в которых со ссылкой на известную ему практику Европейского Суда по правам человека утверждал, что его высказывания, указанные выше, не нарушают требований законодательства и профессиональной этики адвоката. На вопросы членов Совета, в том числе, о том, какую профессиональную цель он преследовал, употребляя в адрес судебного пристава выражения «олигофрен» и иные, указанные выше, адвокат П. ответил, что действовал в интересах доверителя и общественного блага

теми средствами, которые имелись у него в распоряжении, при этом судебного пристава не оскорблял.

Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е. с Заключением Квалификационной комиссии согласилась.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката П. и представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по Москве Е., в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

27.11.2018 через официальный портал «Госуслуги» в УФССП России по М-й области на имя начальника ... районного отдела судебных приставов УФССП по М-й области поступило обращение адвоката П., содержащее следующие суждения: «на проходной указанного отдела находился олигофрен (в стадии дебильности) в форменной одежде ФССП со знаками различия, напоминающими знаки различия старшего лейтенанта», «я разъяснил указанному олигофрену, что направляюсь на прием к судебному приставу Ф., и предъявил удостоверение адвоката № ..., выданное 15.10.2015 ГУ Минюста России по Москве на мое имя», «на разъяснения олигофрен реагировал неадекватно», «поняв, что разговаривать с олигофреном бессмысленно, т.е. русского языка он не понимает и законодательства не знает, я со своего мобильного телефона позвонил непосредственно приставу Ф.», «в то же время, очевидно, что вышеизложенную ересь олигофрен выдумал не сам, а его научил какой-то имбецил», «прошу дать правовую оценку действиям олигофрена, сидевшего на проходной и слишком много умничавшего».

При составлении и отправке указанного обращения адвокат П. позиционировал себя именно в этом качестве. В обращении содержится указание на номер удостоверения адвоката П., и адвокатского образования, в котором он состоит. Обращение подписано: «Адвокат АК № ... МГКА П.». В обращении также указывается на то, что адвокат П. прибыл 27.11.2018 к судебному приставу-исполнителю Ф. для представления интересов доверителя, в отношении которого Ф. осуществляет исполнительное производство.

Направление адвокатом П. обращения на имя начальника ... районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по М-й области 27.11.2018 подтверждается доказательствами, содержащимися в дисциплинарном производстве и приведённых в Заключении Комиссии. Данный факт не отрицает и сам адвокат П.

Так, он пояснил, что, действуя в интересах доверителя, руководствуясь при этом п. 1 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката, в целях урегулирования ситуации, связанной с возбужденным в отношении доверителя исполнительным производством, он 27 ноября 2018 года прибыл в административное здание ... районного отдела судебных приставов УФССП

по М-й области, однако войти в него не смог ввиду того, что несшим службу на проходной гражданином, не пожелавшим представиться, в целях воспрепятствования законной деятельности адвоката П. по защите интересов доверителя, не был пропущен в указанное здание под предлогом отсутствия у него при себе паспорта, о чем подробно изложено в обращении, направленном адвокатом П. в УФССП по М-й области по каналам сети «Интернет».

На данное обращение адвокату П. 07 декабря 2018 года поступил ответ за исх. № ... следующего содержания: «На основании ст. п. 3 ст. 11 Федерального закона от 02 мая 2006 года № 59-ФЗ (ред. от 27 ноября 2017 года) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» Ваше обращение оставлено без ответа по существу поставленных в нем вопросов».

Считает, что употреблённое им в обращении слово «олигофрен» не является нецензурным либо оскорбительным, а является оценочным суждением, отражающим его субъективное мнение, сложившееся после посещения ... районного отдела судебных приставов УФССП по М-й области. Оценочные суждения не подлежат проверке на истинность и ложность, находятся под защитой Конституции Российской Федерации, Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Судебная практика Европейского Суда по правам человека идет по пути того, что публичные должностные лица должны со смирением встречать критику ввиду важности их общественного служения и того, что к ним предъявляются особые требования. У них нет права обижаться на граждан. Тем самым, его действия, в отношении которых против него выдвинуто дисциплинарное обвинение, не образуют состава дисциплинарного проступка, в том числе по его малозначительности.

Адвокат П. также полагает, что гражданский служащий – судебный пристав, которого он имел в виду в своём обращении, не лишен дееспособности и сам мог обратиться с жалобой, чего им не сделано и что свидетельствует об отсутствии у него претензий.

Совет соглашается с выводами Комиссии о том, что сами по себе употреблённые адвокатом П. слова «олигофрен», «имбецил» и «дебил» к обценной лексике не относятся, поскольку олигофрения означает умственную отсталость, характеризующуюся недоразвитием психики и интеллекта, проявляющуюся в следующих видах: дебильность, имбецильность и идиотия. Вместе с тем, является очевидным, что употребление указанных слов и приведенных выше выражений в официальном письменном обращении адвоката, применительно к оценке действий (бездействия) должностных лиц – сотрудников ФССП России, является недопустимым как не соответствующее деловой манере общения, поскольку обращение адвоката, содержащее приведенные высказывания, является уничижительным по отношению к лицам, чьи действия (бездействие) им фактически обжалуются в обращении.

Согласно ч. 1 ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Вместе с тем в

ч. 2 ст. 10 Конвенции указано, что осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия.

При этом положения данной нормы должны толковаться в соответствии с правовой позицией Европейского Суда по правам человека, выраженной в его постановлениях.

Европейский Суд по правам человека неоднократно отмечал, что исходя из требований ст. 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, защищающей не только содержание выраженных идей и информации, но также форму, в которую они облечены, при оценке корректности заявлений, сделанных адвокатом в судебном заседании в процессе исполнения профессиональных обязанностей, следует исходить из принципа пропорциональности и недопущения «замораживающего эффекта» по отношению к исполнению адвокатом своих обязанностей по делу и защите интересов доверителей в будущем (см. Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 февраля 2011 года по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2011. № 9); Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 декабря 2005 года по делу «Киприану (Kyprianou) против Кипра» (жалоба № 73797/01) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2006. № 7); Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 2003 г. по делу «П.С. (P.S.) против Нидерландов» (жалоба № 39657/98) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2004. № 2).

Вместе с тем, поскольку адвокат П. формулировал свои доводы письменно, у него имелась возможность переиначить и облагородить фразы, содержащиеся в обращении, направленном в ФССП России, или вовсе опустить их до того, как употребленные им выражения станут достоянием публики (см., *mutatis mutandis*, постановление Европейского Суда по правам человека от 4 декабря 2003 года по делу «Гюндюз (Gunduz) против Турции» (Жалоба № 35071/97) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2004. № 4. С. 20-21).

Приведенные в обращении адвоката П. в ФССП России высказывания о слабоумии должностных лиц ФССП России не преследовали в качестве своей цели защиту интересов доверителя, являющегося должником в исполнительном производстве, поскольку каких-либо доводов о нарушении прав последнего в ходе исполнительного производства обращение не

содержало, а были направлены исключительно на умаление чести и достоинства тех должностных лиц, которые своими действиями (бездействием) создали препятствия для прохода адвоката П. в здание ... районного отдела судебных приставов Управления федеральной службы судебных приставов по М-й области. Написание же данного обращения было продиктовано исключительно досадой адвоката П. на то, что ему не удалось пройти в отдел, поскольку у него при себе не имелось паспорта гражданина Российской Федерации.

Доводы адвоката П. о том, что обращение в Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по Москве фактически поступило от начальника ... районного отдела судебных приставов УФССП по М-й области Н., который не является субъектом, правомочным приносить жалобу на адвокатов, равно как и о том, что сам судебный пристав не обратился с жалобой, Совет отклоняет как несостоятельные. В соответствии с подп. 3 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката одним из поводов для возбуждения дисциплинарного производства является представление, внесенное в адвокатскую палату органом государственной власти, уполномоченным в области адвокатуры, каковым является Главное управление Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве.

При этом ни Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», ни Кодекс профессиональной этики адвоката не содержат положений, ограничивающих полномочия указанного органа государственной власти на внесение представлений в зависимости от первоначального источника получения информации.

Совет также отклоняет как несостоятельный довод адвоката П., содержащийся в представленном им в Совет «Объяснении» (без даты и номера), о том, что «...квалификационная комиссия проигнорировала правовую позицию ЕСПЧ, изложенную в Постановлении от 25.06.1997 г. по делу «Обершлик (Oberschlick) против Австрии (№2)» (жалоба № 47/1996/666/852), тогда как обстоятельства данного дела полностью соответствуют обстоятельствам настоящего дисциплинарного производства.

Так, гражданин Австрии публично (в средстве массовой информации) поименовал австрийского государственного деятеля «ИДИОТОМ». Национальный суд первой инстанции признал заявителя виновным в преступлении, предусмотренном статьей 115 УК Австрийской Республики, а именно, в нанесении оскорбления, и назначил наказание в виде штрафа, указав, что слово "идиот" (Trottel) носило оскорбительный характер (Schimpfwort) и могло быть использовано только с дискредитирующим смыслом (Herabsetzung). Следовательно, данное слово никогда не может быть использовано при высказывании объективной критики (sachliche Kritik).

Национальный суд второй инстанции решение изменил в части снижения суммы штрафа, в остальной части оставил без изменения, указав, что данное слово (Trottel) послужило оскорблением, переступившим границы допустимой объективной критики (die Grenze sachlich zulässiger Kritik), и г-н

Обершлик должен был понимать это. По большому счету, он мог бы охарактеризовать высказывания г-на Хайдера как глупые (*vertrottelt*).

Европейский суд по правам человека постановил, что в данном случае имеет место нарушение статьи 10 Конвенции, и присудил заявителю денежную компенсацию, указав следующее:

- Суд вновь повторяет, что согласно п.2 Статьи 10 Конвенции свобода выражения мнения распространяется не только на "информацию" или "идеи", которые благосклонно принимаются или расцениваются как безобидные или нейтральные, но также и на те, которые оскорбляют, шокируют или внушают беспокойство.

...Что касается границ приемлемой критики, то они шире по отношению к политическому деятелю, действующему в качестве общественной фигуры, чем просто по отношению к частному лицу. Политический деятель неизбежно и сознательно выставляет свои действия и поведение под пристальный контроль как журналистов, так и общества, и поэтому должен проявлять большую степень терпимости, главным образом, когда он сам делает публичные заявления, которые могут подвергнуться критике. Политический деятель, безусловно, имеет право защищать свою репутацию даже вне рамок частной жизни, но требованиям такой защиты должны быть противопоставлены интересы свободного обсуждения политических вопросов, с учетом ограничений свободы слова, которые должны иметь узкую интерпретацию (см., в частности, решение *Обершлик против Австрии* (*Oberschlick v. Austria*) (№ 1) от 23 мая 1991 года, Series A № 204, стр. 25-26, §§ 57-59, и решение *Верайнигунг демократишер Зольдатен Остеррайх и Губи против Австрии* (*Vereinigung demokratischer Soldaten Österreichs and Gubi v. Austria*) от 19 декабря 1994 года, Series A № 302, стр. 17, § 37).

По мнению Суда, статья заявителя и, в частности, слово "идиот" (*Trottel*), могут расцениваться как вполне спорные, тем не менее, они не являются личным и неуместным выпадом, поскольку автор дал объективно понятные разъяснения (здесь и далее в цитате фрагменты текста выделены адвокатом П. – примечание Совета), вытекающие из выступления г-на Хайдера, которое само по себе носило провокационный характер.

Следовательно, они были частью политической дискуссии, вызванной речью г-на Хайдера, и сводились к выражению определенного мнения, правдивость которого не требует доказательств.

Подобное мнение может быть, однако, чрезмерным, если не имеет под собой фактической основы.

Но в свете вышеизложенных размышлений это не так в настоящем деле (см. недавнее решение по делу "*Де Хаес и Гийселс против Бельгии*" (*De Haes and Gijssels v. Belgium*) от 24 февраля 1997 года, Reports of Judgments and Decisions 1997-I, стр. 236, § 47).

Конечно верно, что публичное обращение к политику "идиот" (*Trottel*) может оскорбить его. Однако в данном случае использование этого слова

кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером.

Что касается спорного тона статьи, который Суд не одобряет, то следует напомнить, что Статья 10 предусматривает защиту не только содержания идей и информации, но и способа их передачи (см. среди других, приведенное выше решение Обершлик (Oberschlick) (№ 1), стр. 25, § 57).

Учитывая, что слова «ИДИОТ» и «ОЛИГОФРЕН» являются синонимами, полагаю, что выводы Европейского суда полностью применимы и к настоящему дисциплинарному производству.

Федеральным законом «О судебных приставах» на судебных приставов возложены задачи по обеспечению установленного порядка деятельности судов, осуществлению принудительного исполнения судебных актов, т.е. выполнение публично-значимых государственных функций.

Безымянный судебный пристав, начальника которого обидело слово «ОЛИГОФРЕН», исполняет публично-значимые государственные функции, что предполагает расширение по отношению к нему границ приемлемой критики, то есть они шире по отношению к деятелю, действующему в качестве общественной фигуры, чем просто по отношению к частному лицу».

Совет полагает необоснованной попытку адвоката П. распространить понятие «политический деятель» на судебного пристава, на которого возложена обязанность обеспечения пропускного режима в здание подразделения ФССП. При этом адвокат П. не учитывает позицию ЕСПЧ в приведённом им деле о том, что спорное выражение было применено в ходе дискуссии в качестве противовеса иным рассматриваемым вариантам, а также о том, что критикуемое лицо само в значительной степени спровоцировало резкие выпады в свой адрес: «Г-н Хайдер четко осознавал, что данные слова носят провокационный характер и, впоследствии, могут вызвать острую реакцию». «...В данном случае использование этого слова кажется вполне пропорциональным тому негодованию, которое осознанно было вызвано г-ном Хайдером».

Одновременно Совет обращает внимание адвоката П. на то, что в значительной части случаев, ставших предметом рассмотрения ЕСПЧ, Суд не высказывал одобрений использования заявителями тех или иных высказываний, а указывал лишь на несоразмерность содеянного примененным санкциям (см., например, дело «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/05)).

При таких обстоятельствах Совет признаёт презумпцию добросовестности адвоката П. опровергнутой, а его вину в нарушении положений п. 1 ст. 4 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат при всех обстоятельствах должен сохранять честь и достоинство, присущие его профессии») и п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению») установленной.

Избирая, в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, меру дисциплинарной ответственности адвокату П. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что он впервые совершил дисциплинарное нарушение, не повлекшее тяжких последствий. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату П. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренным п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

7. Совет, признав правильно установленными Квалификационной комиссией факты, не согласился с ее выводом о допущенном адвокатом нарушении и прекратил дисциплинарное производство вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел с участием адвоката Б. в закрытом заседании 26 ноября 2019 г. дисциплинарное производство в отношении адвоката Б., возбужденное по обращению судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 6 ноября 2019 г. Б. допустил нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), которое выразилось в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа».

В части дисциплинарных обвинений, выразившихся (1) в использовании слова «пигмей» в отношении потерпевшего К. и в утверждении о вымогательстве им денежных средств у обвиняемых, (2) в использовании слов «гады» и «ничтожества» в отношении следователей Аб. и Т., (3) в утверждении о совершении следователями Аб., Т. и участковым оперуполномоченным С. заведомо неправомερных процессуальных действий вынесено заключение о необходимости прекращения дисциплинарного производства вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. В оставшейся части дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. признано подлежащим прекращению вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Б. в заседании Совета согласился с Заключением Квалификационной комиссии в полном объеме и дополнительно указал, что предъявленное его подзащитному А. обвинение являлось явно надуманным, а производство по уголовному делу выглядело как «беспредел». Поэтому в своем блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» он хотел привлечь внимание общественности к уголовному делу в целом, для чего и использовал достаточно жесткие словесные обороты, среди которых и было слово «лажа». Его идея заключалась в том, чтобы придумать уникальный текст, который бы «зацепил» читателя и помог бы сформулировать общественное мнение вокруг этого уголовного дела. Он осознает, что использованные им словесные обороты являются «хлесткими» и достаточно спорными для публикации. В дальнейшем он намерен придерживаться корректной терминологии.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, соглашается с Заключением Квалификационной комиссии в части прекращения дисциплинарного производства ввиду обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства и вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката. В части признания адвоката Б. нарушившим п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката Совет, признавая правильно установленными Квалификационной комиссией фактические обстоятельства, не соглашается с выводом Квалификационной комиссии о наличии допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства в указанной части.

Квалификационная комиссия правильно установила и описала в Заключении, что в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге адвоката Б. ... последним 26 июля 2019 г. был размещен текст, содержание которого приложено к обращению судьи М. городского суда Г. В качестве одного из элементов предмета дисциплинарного производства Квалификационная комиссия изучила и дала оценку следующей части текста: *«Поздно, следователь, поздно, никакой ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа. Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение»* (орфография и пунктуация сохранены. – *Примеч. Совета*). Совет считает, что прежде, чем давать оценку указанному выше фрагменту текста на соответствие требованиям профессиональной этики адвоката, необходимо исследовать его на предмет наличия допустимого повода для рассмотрения в рамках дисциплинарного производства.

В дисциплинарной практике Адвокатской палаты города Москвы сформулирована и неукоснительно применяется позиция, согласно которой повод к возбуждению дисциплинарного производства должен отвечать одновременно требованиям к форме и содержанию. Применительно к форме

обращения судьи М. городского суда Г. от 1 августа 2019 г. ...Квалификационная комиссия пришла к обоснованному выводу об отсутствии обстоятельств, препятствующих его рассмотрению в рамках дисциплинарного производства. Применительно же к содержанию обращения Квалификационная комиссия по итогам его рассмотрения справедливо указала на то, что обращение судьи в интересах третьих лиц не может являться допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства. В связи с этим Комиссия пришла к правильному выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в части дисциплинарных обвинений, которые были сформулированы автором обращения в интересах потерпевшего, следователей и участкового оперуполномоченного, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства.

Между тем фрагмент текста, в котором адвокатом Б. использовано слово «лажа», также содержит характеристику действий стороны обвинения - следователей и прокуроров, а не суда и, в частности, автора обращения, судьи городского суда Г. Так, в первом предложении фрагмента слово «лажа» адвокат Б. использовал, обращаясь к следователю: *«Поздно, следователь, поздно, никакой ты ни махинатор, надо было выдирать страницы из дела, а так получилась лажа...»* (текст выделен Советом). Во втором предложении указанное слово используется автором текста в качестве характеристики фабулы обвинения, с которым согласился прокурор, для эмоционального выражения своего резко негативного отношения к обвинению как (по его, автора текста, мнению) незаконному и необоснованному: *«...Правда, пока эта лажа устраивает городскую прокуратуру, которая дважды утверждает обвинительное заключение»* (текст выделен Советом).

В связи с этим, а также с учетом того, что суд согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты, Совет признает, что дисциплинарное обвинение в указанной выше части также не затрагивает и не может затрагивать интересы автора обращения, федерального судьи М. городского суда Г. При этом от соответствующего следователя или прокурора в Адвокатскую палату города Москвы в установленном законом порядке каких-либо обращений в указанной части не поступало.

То обстоятельство, что рассматриваемая публикация обращена к неопределенному кругу лиц, в который, как указывает Квалификационная комиссия, может входить и федеральный судья Г., председательствовавший по делу, в котором рассматривалось данное обвинение, не меняет приведенной выше оценки, поскольку не обуславливает право любого прочитавшего ее лица на обращение в органы адвокатского самоуправления в целях защиты интересов иных лиц.

В связи с этим Совет приходит к выводу о том, что и в указанной выше части в ходе разбирательства обнаружилось отсутствие допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства. По этой причине Совет, не

соглашаясь с выводом Квалификационной комиссии, приходит к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. в части дисциплинарного обвинения в том, что в публикации, размещенной в личном блоге в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»... 26 июля 2019 г., для характеристики обвинения, предъявленного его подзащитному А., он использовал слово «лажа», по основанию, предусмотренному подп. 8 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В оставшейся части дисциплинарных обвинений Совет в полном объеме соглашается с выводами Квалификационной комиссии. Так, Квалификационная комиссия обоснованно пришла к выводу о том, что автор обращения не представил доказательств, опровергающих позицию адвоката Б., отрицающего размещение каких-либо материалов на сайте... Поэтому, руководствуясь презумпцией добросовестности адвоката, бремя опровержения которой возложено на лицо, по обращению которого возбуждено дисциплинарное производство, Совет соглашается с выводом Комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Применительно к дисциплинарному обвинению в том, что адвокат Б. «лично компрометирует во вне процессуальном порядке собранные по уголовному делу доказательства, порочит их... приводит субъективную оценку действиям следователей и прокурора, освещая процессуальную деятельность по уголовному делу, в том числе вопрос о разрешении ходатайств стороны защиты, раскрывает доказательства по уголовному делу, в том числе протоколы следственных действий, показания допрошенных лиц, экспертные исследования, фотоматериалы осмотра места происшествия, а также посредством данной публикации, а не в судебном заседании, обращается к присяжным заседателям с призывом вынести оправдательный вердикт и не сообщать суду и участникам процесса о формировании позиции вне состязательного процесса, на основании лишь частного мнения, приведенного в общем доступе в сети «Интернет»», Совет также разделяет вывод Квалификационной комиссии о необходимости прекращения дисциплинарного производства в указанной части вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката Б. нарушения законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Совет отмечает, что право свободно выражать мнение, а также получать, производить, передавать и распространять информацию любым законным способом является одним из основных неотчуждаемых прав человека, гарантированных Конституцией Российской Федерации, законодательством Российской Федерации и общепризнанными принципами и нормами международного права, и в силу этого в полной мере распространяется на

адвокатов (п. 1.1 Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», утвержденных Советом Федеральной палаты адвокатов 28 сентября 2016 г., Протокол № 7, далее – Правила).

Пункт 1.2 Правил предусматривает, что «принадлежность к адвокатскому сообществу как институту гражданского общества предполагает наличие у членов этого сообщества активной гражданской позиции, выражаемой ими, в том числе, публично как по правовым, так и по иным социально значимым проблемам. Проявление этой позиции должно осуществляться с неукоснительным соблюдением принципов профессионального поведения адвокатов и традиций российской адвокатуры, способствовать укреплению доверия как к конкретным адвокатам, так и к адвокатскому сообществу в целом, росту их авторитета».

«На поведение адвоката в сети “Интернет” распространяются правила осуществления профессиональной деятельности, содержащиеся в законодательстве об адвокатской деятельности и адвокатуре, иных нормативных правовых актах, нормах профессиональной этики адвоката, решениях органов адвокатской палаты» (п. 2.1.1 Правил).

Пункт 2.2.2 Правил запрещает адвокатам публично комментировать обстоятельства уголовного дела, в которых они не участвуют, и правовые позиции адвокатов, участвующих в этих делах. «При комментировании адвокатами конкретных дел необходимо, чтобы такие комментарии не нарушали положений действующего законодательства и прав третьих лиц, а также отвечали требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности, установленным действующим законодательством, Кодексом профессиональной этики адвоката и настоящими Правилами» (п. 2.2.3 Правил).

Изложенное выше свидетельствует о том, что Правила не только не запрещают адвокатам комментировать дела, в которых они принимают участие, но и позволяют распространять иные сведения, связанные с оказанием ими юридической помощи при условии, что эти комментарии и сведения не нарушают положений действующего законодательства РФ и отвечают требованиям к адвокатам и адвокатской деятельности.

Система норм действующего законодательства РФ устанавливает отдельные ограничения в праве адвоката распространять информацию, полученную в ходе осуществления своей профессиональной деятельности. Так, например, ч. 3 ст. 161 УПК РФ предусматривает право следователя предупредить участников уголовного судопроизводства, в том числе защитника, о недопустимости разглашения без соответствующего разрешения данных предварительного расследования, о чем у них берется подписка с предупреждением об ответственности в соответствии со ст. 310 УК РФ. В свою очередь ст. 310 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за разглашение данных предварительного расследования. При этом в ч. 4 и 6 ст. 161 УПК РФ указаны сведения, которые могут быть разглашены без

получения разрешения лица, ведущего предварительное расследование по уголовному делу.

Применительно к сведениям, составляющим государственную тайну, система норм УПК РФ (ч. 5 ст. 49, ч. 2 ст. 217, п. 1 ч. 2 ст. 241) и УК РФ (ст. 283, 283.1, 284) также содержит механизм предупреждения и соответствующие материально-правовые гарантии от необоснованного распространения ее адвокатами.

В отношении защиты сведений о частной жизни лица, в особенности несовершеннолетнего, ст. 137 УК РФ и ч. 5 ст. 161 УПК РФ также предусматривают соответствующий механизм и гарантии от незаконного их распространения, в том числе, адвокатами.

Между тем нормы УПК РФ, регламентирующие производство в суде с участием присяжных заседателей, не содержат каких-либо запретов на распространение адвокатом-защитником (как, впрочем, и государственным обвинителем или представителем потерпевшего) сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» как до, так и во время судебного разбирательства. Положения ч. 8 ст. 335 УПК РФ содержат запрет на исследование отдельных обстоятельств в ходе судебного заседания, а п. 4 ч. 2 ст. 333 УПК РФ, на который ссылается автор обращения, имеет своим адресатом исключительно присяжных заседателей и предусматривает запрет на соби́рание ими сведений по уголовному делу вне судебного заседания. Совершенно очевидно, что указанная норма не может быть истолкована расширительно и, в частности, распространена на комментирование адвокатом-защитником сведений, полученных в им в связи с участием в уголовном деле.

Ссылка судьи М. городского суда Г. на Определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2009 г. № 106-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Никитенко Алексея Николаевича, Плотникова Игоря Валентиновича и Хырхырьяна Максима Арсеновича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 258 и пунктом 3 части пятой статьи 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» не может рассматриваться в качестве правового обоснования выдвинутых в отношении адвоката Б. дисциплинарных обвинений. Так, в указанном определении Конституционный Суд РФ констатировал, что положения ст. 47 и 53 УПК РФ «не означают возможность использования любых средств и способов защиты, в том числе сопряженных с нарушением порядка в судебном заседании, неподчинением распоряжениям председательствующего или оказанием незаконного воздействия на коллегию присяжных заседателей с целью влияния на выносимый ими вердикт». Между тем автор обращения не привел каких-либо правовых положений, свидетельствующих о том, что размещение адвокатом-защитником в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведений, полученных им в связи с участием в деле, а также выражением им своего мнения по вопросам, имеющим юридическое значение, является способом оказания незаконного

воздействия на коллегия присяжных заседателей с целью влияния на их вердикт.

Более того, в указанном определении содержится отсылка к ранее сформулированной правовой позиции Конституционного Суда РФ о том, что ст. 258 УПК РФ «не лишает подсудимого права на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом, в том числе с помощью приглашенного им адвоката, исключая лишь возможность злоупотребления последним предоставленными ему правами».

Рассматривая дисциплинарное обвинение с учетом изложенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, Совет обращает внимание на то, что автор обращения не сослался на законодательное положение, в соответствии с которым адвокату-защитнику запрещено распространять в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» сведения, которые впоследствии могли бы стать предметом исследования в ходе судебного разбирательства судом с участием присяжных заседателей или являются мнением адвоката по вопросам, подлежащим разрешению в судебном заседании.

В целях принятия объективного решения Советом была проанализирована судебная практика по вопросу об оценке судами, рассматривающими уголовные дела с участием присяжных заседателей, фактов распространения участниками судебного разбирательства сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», которые так или иначе затрагивают вопросы, могущие стать предметом рассмотрения в судебном заседании. По итогам изучения не было обнаружено судебных актов, в которых бы прямо или косвенно признавалось незаконным распространение участниками уголовного судопроизводства подобных сведений в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Напротив, в период разбирательства настоящего дисциплинарного производства Верховный Суд РФ указал на то, что председательствующий судья должен был выяснить у присяжных заседателей, знакомились ли они с подобными публикациями, оказывалось ли на присяжных заседателей давление, не утратили ли они объективность в рассмотрении уголовного дела, и если в результате выполнения этих процедур председательствующий судья пришел к выводу об отсутствии признаков необъективности и предвзятости присяжных заседателей, то нарушений, влекущих отмену приговора, не допущено.

Наконец, Совет обращает внимание на то, что представители адвокатского сообщества неоднократно публично поднимали вопрос об использовании органами прокуратуры РФ спорных механизмов доведения до присяжных заседателей сведений, которые запрещается исследовать в присутствии присяжных заседателей в ходе судебного заседания, посредством публикаций в СМИ или телевизионных репортажах, транслирующихся в наиболее популярное для просмотра телезрителями время. Несмотря на это, суды не принимали во внимание соответствующие доводы адвокатов-защитников и не усматривали в фактах подобных публикаций нарушений

УПК РФ или иных федеральных законов. Учитывая принцип состязательности сторон уголовного судопроизводства, одним из проявлений которого является равноправие стороны обвинения и защиты перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ), Совет приходит к выводу о том, что подобное поведение позволительно представителям не только стороны обвинения, но и стороны защиты.

Совет полностью соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что публичное выражение адвокатом, в том числе, посредством публикации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», своего мнения в отношении допущенных, по его мнению, органами предварительного следствия, прокуратурой и судом нарушений уголовно-процессуального законодательства, в том числе обоснованное ссылками на материалы уголовного дела, по которому адвокат осуществляет защиту доверителя, представляет собой реализацию принадлежащего адвокату статусного права, а потому нарушением уголовно-процессуального законодательства являться не может. Изложенное в полной мере относится к случаям осуществления адвокатом защиты по уголовным делам, судебное разбирательство по которым осуществляется с участием присяжных заседателей.

Применительно к оценке формы изложения адвокатом Б. своего мнения в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в личном блоге... Совет полностью соглашается с оценкой и выводами Квалификационной комиссии. Так, при оценке использованных в указанной публикации адвоката Б. слов и выражений Квалификационная комиссия правильно основывалась на ранее сформулированных позициях, согласно которым адвокат, давая оценку имеющим место, по его мнению, нарушениям уголовно-процессуального законодательства, допущенным в отношении его подзащитного, имеет право на известную степень эмоциональности, использование афоризмов, гротескных выражений, не выходящих за пределы требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре. В частности, используемая адвокатом лексика не может содержать жаргонные слова и выражения, не должна являться пониженной. При этом степень гротескности суждений может находиться в известной связи со степенью нарушений уголовно-процессуального законодательства, которые, по мнению адвоката, допущены в отношении его подзащитного.

Квалификационная комиссия обоснованно не обнаружила пониженной лексики, жаргонных слов и выражений в предложении: *«Два с половиной года следственно-судебный спрут Москвы незаконно держит в матросско-бутырских застенках нашего соотечественника, рабочего человека, мужа, отца, подвергает его пыткам и унижениям, равнодушно дерет страницы из его жизни, топчет надежды, уверенно-делово пожирает здоровье, профессионально-бездушно покрывает беззаконие “обоснованностью подозрений в причастности к совершенному преступлению”»* (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета), приведя в Заключении убедительную аргументацию своих выводов, с которой Совет соглашается.

Описание обстоятельств допроса подзащитного адвоката Б., обвиняемого (подозреваемого) А., следователем изложено в следующем виде: *«Следователь – татарин сразу по матери, я мол, тебя не боюсь. Идиот, думает, Организатор и говорит, я тебе, дураку, ничего не скажу, да и говорить мне особо нечего. Татарин покричал и в каталажку»* (орфография и пунктуация сохранены. – Примеч. Совета). Совет соглашается с тем, что процитированная фраза содержит описание допроса, сделанное адвокатом Б. от лица А., который воспринимал следователя как «татарина» и низко оценивал его личные интеллектуальные качества («дурак», «идиот»). Указание на национальную принадлежность лица, использование слов «дурак» и «идиот», характеризующих интеллектуальные качества человека, в отношении которого они употребляются, а также использование жаргонизмов («по матери», «каталажка») в данном случае, учитывая контекст изложения, упречным не является, поскольку эти слова употреблены адвокатом Б. не от собственного имени, а для описания восприятия подзащитным А. личности следователя и способа производства им процессуального действия, при том, что А. считал указанного следователя одним из лиц, незаконно осуществлявших его уголовное преследование.

В оставшейся части публикация адвоката Б. в личном блоге... содержит разбор доказательств обвинения и защиты по уголовному делу в отношении А. и Ак., который Совет в силу ранее приведенной аргументации также не находит нарушающей требования законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Б. в части проанализированных выше дисциплинарных обвинений не опровергнутой, а дисциплинарное производство подлежащим прекращению по основаниям, предусмотренным подп. 2 п. 1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката.

8. Адвокату объявлено замечание за использование им в судебном заседании выражений, не соответствующих стилю делового общения, и проявленное неуважение к суду. При этом Совет исключил часть дисциплинарных обвинений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 18 декабря 2019 г. с участием адвоката Р. дисциплинарное производство... возбужденное по обращению (частному постановлению) федерального судьи О. городского суда Московской области Ф. от 20 августа 2019 г. в отношении адвоката Р.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 13 ноября 2019 г. адвокатом Р. допущено нарушение п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката («При осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан... уважать права, честь и достоинство... других

лиц, придерживаться манеры поведения... соответствующих деловому общению»), ч. 1 ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката («Участвуя или присутствуя на судопроизводстве... адвокат должен... проявлять уважение к суду...»), что выразилось в произнесении им в ходе судебного заседания О. городского суда М-й области 20 августа 2019 г. следующей фразы *«...и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.) явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона...»*.

Кроме того, Квалификационная комиссия пришла к выводу о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Р. в заседании Совета с Заключением Комиссии согласился частично: не оспаривая фактических обстоятельств, установленных Комиссией, в том числе произнесения им в судебном заседании указанных выше фраз, поддержал свои письменные возражения... в которых просил прекратить дисциплинарное производство либо направить его в Квалификационную комиссию для нового разбирательства, считая установленный в его действиях дисциплинарный проступок с учетом всех обстоятельств его совершения малозначительным, связанным, в том числе, с его сильными эмоциональными переживаниями, не порочащим честь и достоинство адвоката, не умаляющим авторитет адвокатуры и не причинившим какого-либо существенного вреда ни его подзащитному, ни Адвокатской палате города Москвы. Подчеркнул, что не заявлял о совершении какого-либо конкретного преступления судьей, и такого дисциплинарного обвинения автор обращения в Адвокатскую палату города Москвы не выдвигает. О том, что суд поступил явно незаконно, это была его собственная оценка. О наличии коррупционных связей он действительно говорил, что признает своей ошибкой. Обязался высказываться впредь в более корректной форме, не давая волю своим эмоциональным переживаниям.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав адвоката Р., в полном объеме соглашается с фактическими обстоятельствами, установленными Квалификационной комиссией и изложенными в ее Заключении.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

В ходе судебного заседания О. городского суда М-й области 20 августа 2019 г. адвокат Р. при рассмотрении ходатайства органа следствия о продлении М. срока содержания под стражей заявил, что *«не видеть и не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона, очень хочу*

надеяться, что такого не произойдет при настоящем судебном разбирательстве».

В тексте письменного ходатайства адвоката Р. от 20 августа 2019 г. на имя федерального судьи Ф. об отмене и (или) изменении меры пресечения указано следующее: *«и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона, и очень хочу надеяться, что такого не произойдет при настоящем судебном разбирательстве».*

Из протокола судебного заседания О. городского суда М-й области от 20 августа 2019 г. также усматривается, что доводы, изложенные в указанном ходатайстве, были изложены практически дословно адвокатом Р. в судебном заседании 20 августа 2019 г. в его устном выступлении с возражениями против ходатайства следователя, а письменное ходатайство приобщено к материалу в соответствии с просьбой адвоката Р.

Из протокола судебного заседания О. городского суда М-й области также усматривается, что, приводя подробные доводы о непричастности обвиняемого М. к совершению преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера), настаивая на квалификации его действий по ч. 1 ст. 119 УК РФ (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью) и по ст. 6.1.1 КоАП РФ (побои), как совершение иных насильственных действий, причинивших физическую боль, а также приводя доводы об отсутствии предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований для применения к М. меры пресечения в виде заключения под стражу, адвокат Р. заявил: *«...и не видеть, не замечать данного очевидного факта, как это сделала 21.05.2019 г. предыдущая судья (Ж.), явно противозаконно, это лишний раз подтверждает коррупционные связи, что суд не следует ни букве, ни духу закона, и очень хочу надеяться, что такого не произойдет при настоящем судебном разбирательстве».*

При таких обстоятельствах факт произнесения адвокатом Р. 20 августа 2019 г. в судебном заседании О. городского суда М-й области указанных выше фраз Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает установленным, что не соответствовало деловому общению и являлось проявлением неуважения к суду, продлившему ранее (21 мая 2019 г.) срок содержания под стражей его доверителя М.

При этом указанные выше фразы первоначально были облечены адвокатом Р. в письменную форму и лишь потом произнесены в судебном заседании, и относились они к событиям, имевшим место три месяца назад, 21 мая 2019 г., что объективно свидетельствует об отсутствии у адвоката Р. в момент произнесения анализируемых фраз 20 августа 2019 г. острых эмоциональных переживаний в связи с действиями (бездействием) и решением судьи Ж., имевшими место 21 мая 2019 г.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в отношении адвоката Р. в том, что последний в ходе выступления в суде указал, что *«исходя из полученных*

им сведений, в том числе от Б. и М., готовы подтвердить свои показания как на очной ставке, так и на полиграфе», Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает, что в данной части дисциплинарное производство подлежит прекращению в связи с отсутствием в действиях (бездействии) адвоката Р. нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Из протокола судебного заседания О. городского суда М-й области от 20 августа 2019 г. усматривается, что, сообщая позицию защиты по заявленному органом следствия ходатайству, адвокат Р. заявил следующее: «Исходя из имеющихся в настоящее время в моем распоряжении материалов уголовного дела, а также полученных мною сведений, в том числе от Б. и М., которые готовы подтвердить свои показания как в ходе очной ставки с Же. (К.) и ее “любовником Ба.», так и на полиграфе, противоправные действия М. никак не могут и не должны быть квалифицированы по п. “б” ч. 2 ст. 132 УК РФ, так как объективная сторона данного преступления характеризуется насильственными действиями сексуального характера, сопряженными с физическим и психическим действием, которые возбуждают и (или) реализуют у отдельных лиц половую страсть, чего в данном случае не имело место быть».

Вопреки доводам обращения судьи Ф., эти высказывания ни по форме, ни по содержанию не свидетельствуют о ненадлежащем профессиональном поведении адвоката Р. в судебном заседании, не содержат в себе «нарушение адвокатской этики и крайне неуважительного отношения к председательствующему судье и суду», а также не свидетельствуют о незнании адвокатом норм УПК РФ. Адвокат Р. не нарушал порядок в судебном заседании, более того, он даже не заявлял суду ходатайств о проведении в ходе судебного заседания каких-либо исследований с использованием полиграфа, а лишь указал на непричастность своего доверителя к совершению инкриминируемого ему деяния, что может быть проверено также и с использованием полиграфа. Данное высказывание адвоката Р. никоим образом не могло повлиять на нормальный ход судебного заседания.

При указанных обстоятельствах Совет признает опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Р. в части дисциплинарных обвинений в том, что он в ходе судебного заседания О. городского суда Московской области 20 августа 2019 г. допустил некорректное высказывание, приведенное в Заключении Квалификационной комиссии.

В то же время Совет полагает необходимым исключить из дисциплинарного обвинения адвоката Р. произнесение им следующих фрагментов: «явно противозаконно» и «что суд не следует ни букве, ни духу закона...». Совет признает, что в данной части адвокат высказал оценочное суждение, основанное на известных ему как защитнику доводах и фактах, на которые он сослался в судебном заседании, эти высказывания были сделаны в интересах доверителя, и в них не содержится неуважения к суду.

В соответствии с п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» адвокат не может быть привлечен к какой-либо ответственности за выраженное им при осуществлении адвокатской деятельности мнение, если только вступившим в законную силу приговором суда не будет установлена виновность адвоката в преступном действии (бездействии).

Совет, кроме того, соглашается с адвокатом Р. в том, что, вопреки содержащемуся в мотивировочной части Заключения Квалификационной комиссии выводу, ни в каких его высказываниях не содержалось утверждения о совершении судьей преступных действий, и такого дисциплинарного обвинения в отношении него не выдвигалось.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвокату Р. за допущенное нарушение, Совет принимает во внимание, что они совершены умышленно, однако вреда доверителю не повлекли. Ранее адвокат Р. к дисциплинарной ответственности не привлекался. Свою вину он признал и обещал Совету впредь подобного не допускать. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Р. меру дисциплинарной ответственности в виде замечания как в наибольшей степени отвечающую требованиям соразмерности и справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

2020 год

9. К адвокату применена мера дисциплинарной ответственности в виде предупреждения за допущенные им нарушения, выразившиеся в ненаправлении в Совет Адвокатской палаты города Москвы уведомления о принятии им поручения на ведение дела по требованиям другого адвоката, а также во включении в письменные возражения этически недопустимых и не соответствующих деловой манере выражений.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. с участием адвоката Д. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении него по жалобе адвоката Т.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 5 февраля 2020 г. адвокатом Д. допущено нарушение норм Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся:

– в ненаправлении, вопреки положениям абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, не позднее 11 ноября 2019 г. в Совет Адвокатской палаты города Москвы уведомления о принятии им поручения ООО «...» на представление интересов последнего при рассмотрении З.

районным судом города Москвы гражданского дела... по требованиям Т., имеющего статус адвоката...

– во включении, вопреки положениям п. 2 ст. 8, подп. 7 п. 1 ст. 9, ст. 12, подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в письменные возражения на требования истца от 11 ноября 2019 г., предоставленные в ту же дату в заседание 3. районного суда города Москвы по гражданскому делу... адресованных Т., имеющему статус адвоката, выражений «бредовые» и «мы серьезно переживаем за его душевное здоровье и возможное наличие у истца психических расстройств, резко повлиявших на уровень его профессиональных знаний, которые он применял до этого при сдаче экзамена на получение статуса адвоката».

Кроме того, Квалификационная комиссия в том же Заключении пришла к выводу о необходимости прекращения дисциплинарного производства:

– в части дисциплинарных обвинений в размещении на сайте... в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информации, противоречащей законодательству об адвокатской деятельности и адвокатуре, вследствие обнаружившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства;

– в части дисциплинарных обвинений в осуществлении Д. предпринимательской деятельности в качестве индивидуального предпринимателя и единоличного исполнительного органа ООО «П.» вследствие отзыва жалобы;

– в оставшейся части – вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушений норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Заявитель адвокат Т., извещенный надлежащим образом о времени и месте рассмотрения дисциплинарного производства и своевременно получивший Заключение Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился, просил рассмотреть дисциплинарное производство в его отсутствие.

...Адвокат Д. в заседании Совета подтвердил своевременное получение Заключения Квалификационной комиссии и пояснил, что не согласен с ее выводами, поскольку Палата, по его мнению, «занимается субъективизмом и не учитывает свободы слова и свободы выражения мысли и мнения». Считает, что не применял оскорбительных выражений в адрес адвоката Т., который подал надуманный иск. Его (Д.) это «выбесило» и стало причиной его выражений. Поэтому в ответ адвокат Т. решил ему «нагадить». В Кодексе профессиональной этики адвоката есть общая фраза о недопустимости умаления достоинства других лиц, но это и есть субъективизм, поскольку любую фразу можно подвести под понятие «умаление чести и достоинства». Это не вопрос корпоративной этики, а вопрос корпоративной поддержки.

Совет, рассмотрев и обсудив материалы дисциплинарного производства, выслушав адвоката Д., вопреки его позиции соглашается с выводами Квалификационной комиссии и признает, что Комиссией на основании

достаточной совокупности достоверных доказательств, позволяющей считать презумпцию добросовестности адвоката опровергнутой, а его вину доказанной, установлены нарушения адвокатом Д. требований Кодекса профессиональной этики адвоката.

...Так, установлено, что адвокат Т., действуя как физическое лицо, вне рамок профессиональной деятельности, приобрел ряд изделий ООО «...». Впоследствии адвокат Т., полагая ненадлежащим исполнение заключенных с ним договоров со стороны ООО «...», обратился как физическое лицо в З. районный суд города Москвы с исковыми требованиями, обосновывая их нормами гражданского законодательства, в частности, законодательства о защите прав потребителей. При рассмотрении судом требований Т. интересы ответчика ООО «...» в качестве представителя осуществлял адвокат Д. В судебном заседании 11 ноября 2019 г. адвокат Д. представил суду для приобщения к материалам дела письменные возражения на требования истца.

Адвокат Д. не отрицал, что еще на стадии досудебных переговоров, которые он вел от имени доверителя с Т., ему стало известно о наличии у последнего статуса адвоката. В ходе судебного разбирательства адвокат Д., оппонируя заявленным требованиям, прямо ссылаясь на наличие у Т. статуса адвоката, в том числе в высказываниях, которые являются предметом дисциплинарного производства.

Адвокат Д. также не оспаривал то обстоятельство, что уведомление в Совет Адвокатской палаты города Москвы о принятии им поручения ООО «...» на ведение дела против адвоката Т. им не направлялось.

Оценивая профессиональное поведение адвоката Д. в данной части, Совет исходит из действующей редакции абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым адвокат обязан уведомить Совет о принятии поручения на ведение дела против другого адвоката. В связи с этим Совет, как и Квалификационная комиссия, основываясь на изменении представлений адвокатского сообщества об обязанностях адвоката при принятии поручения на ведение дела против другого адвоката, приходит к выводу о нарушении адвокатом Д. требований, содержащихся в абз. 1 п. 4 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Являющиеся предметом настоящего дисциплинарного производства высказывания адвоката Д. содержатся в его письменных возражениях на исковые требования, которые были им представлены 11 ноября 2019 г. для приобщения к материалам гражданского дела... при его рассмотрении З. районным судом города Москвы. Адвокат Д. факт составления и представления в суд письменных возражений на исковые требования, равно как и их содержание, не отрицает.

Согласно подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката адвокат не вправе допускать в процессе разбирательства высказывания, умаляющие честь и достоинство других участников разбирательства, даже в случае их нетактичного поведения.

В соответствии со ст. 12 Кодекса профессиональной этики адвоката, участвуя в судопроизводстве, адвокат должен проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле.

Изложенными и обязательными для всех адвокатов положениями законодательства установлен запрет на использование адвокатом высказываний, которые по форме либо по содержанию негативно, унижительно характеризуют моральные либо иные, в том числе профессиональные, качества иных участников судебного разбирательства, посягают на их достоинство. Употребление негативных характеристик в адрес других участников судебного разбирательства вынужденно допускается лишь в том случае, если это является необходимой составной частью правовой позиции адвоката по делу.

Совет обращает внимание на то, что содержащееся в подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката требование сохраняет свою обязательность для адвоката даже в случае нетактичного поведения иных участников судебного разбирательства. Иными словами, никакое провоцирующее поведение иных участников разбирательства, в том числе, выраженное в неадекватной, по мнению адвоката, позиции по делу, не освобождает адвоката от обязанности руководствоваться изложенными выше требованиями законодательства. По этой причине Совет отклоняет как несостоятельную и не влияющую на оценку профессионального поведения адвоката Д. его ссылку на то, что адвокат Т. подал надуманный, по его мнению, иск, и это его (Д.) «выбесило». Совет подчеркивает, что данное обстоятельство, если бы оно и имело место, не дает адвокату права высказывать оскорбления и/или проявлять неуважение в адрес оппонента по судебному спору.

Запрет на использование высказываний, умаляющих честь и достоинство других участников разбирательства, содержащийся в подп. 7 п. 1 ст. 9 Кодекса профессиональной этики адвоката, применительно ко взаимоотношениям адвоката с коллегами конкретизирован в подп. 1 п. 2 ст. 15 Кодекса профессиональной этики адвоката, в соответствии с которым адвокату запрещается использовать выражения, умаляющие честь, достоинство и деловую репутацию другого адвоката. Кроме того, в п. 2 ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката указывается на обязанность адвоката придерживаться манеры поведения, соответствующей деловому общению. Изложенная норма применима, в том числе, при оценке поведения адвоката в процессе судебного разбирательства. Она означает недопустимость использования в ходе судебного разбирательства «пониженной», вульгарной лексики, а также предполагает процессуальную уместность суждений адвоката, их соответствие моменту судебного разбирательства и обсуждаемому вопросу.

Применяя эти критерии для оценки выражений, использованных адвокатом Д. в ходе судебного разбирательства в 3. районном суде города

Москвы, Совет соглашается с выводом Квалификационной комиссии о том, что некоторые из них являются допустимыми, а другие упречными.

Так, в отношении выражений «фантазии истца» и «верх юридической безграмотности», использованных адвокатом Д. для характеристики позиции адвоката Т., Квалификационная комиссия сочла, что они по сути являются гротескными, усиливающими довод адвоката Д. о фактической необоснованности позиции процессуального оппонента, которые были использованы в возражениях против требований истца и потому могут быть объяснены намерением адвоката Д. усилить воздействие использованной им аргументации на суд с целью наилучшей защиты прав и интересов своего доверителя. Поэтому нарушением изложенных выше запретов указанные высказывания не являются. Совет соглашается с этим выводом.

Вместе с тем использование адвокатом Д. в отношении юридической позиции адвоката Т. прилагательного «бредовые» и выражения «мы серьезно переживаем за его душевное здоровье и возможное наличие у истца психических расстройств, резко повлиявших на уровень его профессиональных знаний, которые он применял для этого при сдаче экзамена на получение статуса адвоката» допустимым признать нельзя в силу нижеследующего.

Указанные выражения имеют своим предметом не позицию истца, а личность адвоката Т., характеризуя его резко негативно, в том числе в отношении состояния психического здоровья. Исходя из характера гражданско-правового спора между адвокатом Т. и ООО «...», профессиональные и личные качества адвоката Т., а также его психическое здоровье никакого отношения к предмету доказывания не имели, позицию адвоката Д. в судебном споре никак не усиливали. При этом указанные выше выражения адвокат Т. вправе был воспринимать как умаляющие его честь, достоинство и деловую репутацию как адвоката.

Совет разделяет оценку Квалификационной комиссией как надуманного довода адвоката Д. о том, что фразы о «душевном здоровье» и «наличии психических расстройств» были использованы им в отношении адвоката Т. не как утвердительные, а в сослагательном наклонении, лишь для выражения его, адвоката Д., собственных переживаний относительно наличия у адвоката Т. психических проблем. В изложенной выше фразе адвокат Д. утверждает о наличии в поведении адвоката Т. при рассмотрении спора с ООО «...» оснований предполагать его психическое нездоровье, что со всей очевидностью является процессуально неуместным, этически недопустимым и не соответствующим деловой манере поведением, умаляющим честь, достоинство и деловую репутацию адвоката Т.

Существенным для оценки поведения адвоката Д. является также то обстоятельство, что его высказывания, являющиеся предметом настоящего дисциплинарного производства, использованы им в заранее подготовленных письменных возражениях на исковые требования. В силу изложенного к ним неприменима правовая позиция Европейского Суда по правам человека о том,

что при устном выступлении у лица отсутствует возможность переиначить высказанное, облагородить определенные фразы или опустить их до того, как употребленные им выражения станут достоянием публики (см. Постановление Европейского Суда по правам человека по делу «Гюндюз [Gunduz] против Турции» (жалоба № 35071/97)). Адвокат Д. заранее подготовил свои письменные возражения против исковых требований адвоката Т., в силу чего использованные в этих возражениях выражения не могут быть признаны спонтанными или спровоцированными эмоционально насыщенным моментом судебного заседания.

Кроме того, Совет обращает внимание адвоката Д. на то, что реализация его права на свободу слова и выражения приходящих к нему мыслей должна им осуществляться с учетом особенностей добровольно принятого им на себя статуса адвоката. Это обстоятельство возлагает на него обязанность соблюдать требования и ограничения, предусмотренные Кодексом профессиональной этики адвоката. Такой подход в полной мере соответствует позиции Европейского Суда по правам человека, который, например, в Постановлении по делу «Игорь Кабанов (Igor Kabanov) против Российской Федерации» (жалоба № 8921/051) подтвердил, что каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ. *Однако осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе, в том числе для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц (выделено Советом).*

При таких обстоятельствах Совет признает презумпцию добросовестности адвоката Д. в части указанных выше дисциплинарных обвинений опровергнутой, а его умышленную вину доказанной.

Адвокат Т. в жалобе также указывает на содержащиеся на сайте адвоката Д. в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» высказывания от его (адвоката Д.) имени об аморальности адвокатской деятельности, превалировании исключительно материальной мотивации в деятельности адвоката, что подрывает доверие к адвокатуре как к профессиональному сообществу в целом.

Квалификационная комиссия, полагая дисциплинарное производство в этой части подлежащим прекращению вследствие выявившегося в ходе разбирательства отсутствия допустимого повода для его возбуждения, исходит в своем Заклучении из того, что какая-либо информация в отношении адвоката Т. в представленных им распечатках с сайта... в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» отсутствует. При этом Комиссия указала, что жалоба, поданная другим адвокатом, является допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренным

подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката, лишь в случае, если действия (бездействие) адвоката, на упречность которых указывается в жалобе, затрагивают права и интересы адвоката-заявителя либо его доверителя. По мнению Комиссии, при оценке доводов о публично распространяемых адвокатом высказываний об аморальности деятельности адвоката, превалировании в ней исключительно материальной мотивации, что подрывает доверие к адвокатуре как профессиональному сообществу в целом, следует исходить из того, что защиту прав и интересов адвокатуры как профессионального сообщества осуществляют его органы, должностные лица которых в соответствии с подп. 2 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката наделены правом инициирования дисциплинарного производства.

Совет не может согласиться с таким подходом в силу следующего.

В преамбуле Кодекса профессиональной этики адвоката указано: «Существование и деятельность адвокатского сообщества невозможны без соблюдения корпоративной дисциплины и профессиональной этики, заботы адвокатов о своих чести и достоинстве, а также об авторитете адвокатуре». Следовательно, проявление заботы об авторитете адвокатуры является одновременно правом и обязанностью каждого адвоката. Из этого, в свою очередь, следует, что адвокат, руководствуясь изложенными выше требованиями, а также принципами корпоративности и равноправия адвокатов, предусмотренными ст. 3 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», вправе считать свои права и интересы члена адвокатского сообщества нарушенными недопустимым публичным поведением другого члена этого же сообщества, если такое поведение связано с его принадлежностью к адвокатскому сообществу и угрожает авторитету адвокатуры.

Конституционный Суд РФ в Определении от 30 января 2020 г. № 34-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Буркина Виталия Анатольевича и Филиппских Юрия Ивановича на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» во взаимосвязи с положениями Кодекса профессиональной этики адвоката и Правил поведения адвокатов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» указал: «...положения подпункта 4 пункта 1 статьи 7, подпунктов 2 и 21 пункта 2 статьи 36 и подпункта 16 пункта 3 статьи 37 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» устанавливают компетенцию органов адвокатского сообщества, а также предписывают адвокату соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката и исполнять решения этих органов, принятые в пределах их компетенции.

Как неоднократно указывал Конституционный Суд Российской Федерации, наделение адвокатских палат (их органов) контрольными и управленческими полномочиями, в том числе полномочиями по принятию обязательных для адвокатов решений по отдельным вопросам адвокатской деятельности, согласуется с особым публично-правовым статусом

некоммерческих организаций подобного рода, в том числе профессионального сообщества адвокатов, которое не входит в систему органов публичной власти и действует независимо от них (Постановления от 19 мая 1998 г. № 15-П, от 23 декабря 1999 г. № 18-П, от 19 декабря 2005 г. № 12-П и от 18 июля 2019 г. № 29-П). Следовательно, такое регулирование не выходит за пределы дискреции законодателя, а приведенные нормы сами по себе не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заявителя.

Предъявление же особых профессионально-этических требований к мнениям, суждениям и комментариям адвокатов, которые они выражают публично, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет”, по поводу деятельности государственных органов и должностных лиц, в том числе судей, обусловлено имеющими публично-правовое значение задачами и функциями адвоката, который, будучи независимым профессиональным советником по правовым вопросам, призван обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина во взаимодействии с органами государственной, прежде всего судебной, власти и, соответственно, должен стремиться поддерживать доверие граждан к судебной власти, согласуется с предписаниями статьи 29 Конституции Российской Федерации и статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, задающих пределы осуществления свободы слова. Европейский Суд по правам человека, давая казуальное толкование статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, применительно к осуществлению свободы выражения мнения адвокатами, указывал, что адвокаты имеют право, в частности, комментировать на публике отправление правосудия, если только их критика не выходит за определенные рамки, которые заключаются в обычных ограничениях, применяемых к поведению членов адвокатской коллегии, и что вне зала суда адвокаты не могут позволить себе высказывания, которые настолько серьезны, что выходят за пределы допустимых комментариев без надежного фактического обоснования, а также они не могут высказывать оскорблений (Постановления от 20 апреля 2004 г. по делу “Амихалакиоас (Amihalachioas) против Республики Молдова”, от 15 декабря 2005 г. по делу “Киприану (Kyprianou) против Кипра”, от 13 декабря 2007 г. по делу “Фолья (Foglia) против Швейцарии”, от 15 декабря 2011 г. по делу “Мор (Mor) против Франции” и от 23 апреля 2015 г. по делу “Морис (Morice) против Франции”, Решение от 24 января 2008 г. по вопросу приемлемости жалобы № 17155/03 “Изабель Кутан (Isabelle Coutant) против Франции”»).

По указанным причинам адвокат, считающий свои права нарушенными, в соответствии с подп. 1 п. 1 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката вправе обратиться с жалобой в уполномоченный орган адвокатского самоуправления, и жалоба адвоката с таким предметом должна рассматриваться в качестве допустимого повода для возбуждения дисциплинарного производства при условии ее соответствия всем остальным требованиям, предусмотренным ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката.

В свою очередь органы адвокатского самоуправления в пределах предоставленных им полномочий обязаны реагировать на такого рода обращения адвокатов, в том числе, в процедуре дисциплинарного производства.

Что же касается существа данного дисциплинарного обвинения, то, как следует из Заключения Квалификационной комиссии и материалов дисциплинарного производства, принадлежность сайта именно Д. как адвокату, равно как и принадлежность именно ему высказываний, приведенных в жалобе адвоката Т., достаточными доказательствами не подтверждены. При таких обстоятельствах Совет не может признать презумпцию добросовестности адвоката Д. опровергнутой в части указанного дисциплинарного обвинения и приходит к выводу о прекращении дисциплинарного производства в данной части с изменением основания прекращения с отсутствия допустимого повода на отсутствие в действиях адвоката дисциплинарного проступка.

В части дисциплинарных обвинений в адрес адвоката Д. в осуществлении им предпринимательской деятельности как в качестве индивидуального предпринимателя, так и в качестве единоличного исполнительного органа ООО «П.», Квалификационная комиссия руководствовалась поступившим в Адвокатскую палату города Москвы ходатайством адвоката Т. от 2 февраля 2020 г., в котором он заявляет об отзыве жалобы в части обвинения адвоката Д. в осуществлении предпринимательской деятельности и просит в данной части прекратить дисциплинарное производство. Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, полагает необходимым дисциплинарное производство в данной части прекратить в связи с отзывом жалобы.

Определяя в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности адвоката Д. за совершенные дисциплинарные проступки, Совет учитывает умышленный, грубый и вызывающий характер данных нарушений, свидетельствующий о намеренном игнорировании адвокатом Д. фундаментальных требований профессиональной этики, предусмотренных Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», Кодексом профессиональной этики адвоката и решениями органов адвокатского самоуправления, принятыми в пределах их компетенции. В то же время Совет учитывает, что адвокат Д. ранее к дисциплинарной ответственности не привлекался. При таких обстоятельствах Совет полагает необходимым применить к адвокату Д. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 Кодекса профессиональной этики адвоката.

10. Совет прекратил дисциплинарное производство в отношении адвоката вследствие отсутствия в его действиях нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. с участием представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... дисциплинарное производство в отношении адвоката Г. ...возбужденное по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... основанному на заявлении Ю.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 22 января 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката Г. по представлению Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... основанному на заявлении Ю., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат Г., извещенный надлежащим образом и ознакомленный с Заключением Квалификационной комиссии, в заседание Совета не явился в связи с занятостью в служебной поездке, направил письменное ходатайство о рассмотрении дисциплинарного производства в его отсутствие, в котором также выразил свое согласие с Заключением.

...Представитель Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... в заседании Совета с Заключением Квалификационной комиссии согласилась. Заинтересованное лицо Ю., а также его представитель Ю.С. в заседание Совета не явились, представили письменные возражения, в которых указали, что с Заключением Квалификационной комиссии не согласны, считают, что описанные в представлении ГУ Минюста РФ по городу Москве действия адвоката Г. повлекли нарушения прав и законных интересов Ю., а также обратили внимание на иные нарушения, совершенные, по их мнению, адвокатом Г., которые были неверно оценены Квалификационной комиссией. Просят «решение Квалификационной комиссии отменить, рассмотреть его по существу, признать адвоката Г. виновным в дисциплинарном проступке».

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав представителя Главного управления Министерства юстиции Российской Федерации по городу Москве... в полном объеме соглашается с Заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, установлены следующие фактические обстоятельства.

Действуя на основании соглашения об оказании юридической помощи от 2 января 2017 г., адвокат Г. осуществлял защиту Ю. по уголовному делу на предварительном следствии, а также в К. городском суде... области при проведении предварительного слушания. На основании заявления Ю. от 12

февраля 2017 г. соглашение об оказании юридической помощи между Ю. и адвокатом Г. было расторгнуто.

Впоследствии Ю. обращался в органы адвокатского сообщества города Москвы с жалобой в отношении адвоката Г., мотивируя ее ненадлежащим исполнением адвокатом Г. своих профессиональных обязанностей в части формализации отношений с доверителем. Также в жалобе Ю. указывалось на необоснованный размер вознаграждения, удерживаемого адвокатом Г. Решением Совета Адвокатской палаты города Москвы... адвокат Г. был привлечен к дисциплинарной ответственности вследствие ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей перед доверителем Ю., которое выразилось в передаче тому подписанного экземпляра соглашения об оказании юридической помощи. В части претензий о необоснованном удержании адвокатом Г. вознаграждения заявителю Ю. было разъяснено, что соответствующие требования могут быть предъявлены им к адвокату Г. в суде в порядке гражданского судопроизводства.

16 апреля 2018 г. Ю. обратился в Л. районный суд города Москвы с исковыми требованиями о взыскании с адвоката Г. денежных средств, оплаченных по соглашению об оказании юридической помощи.

Решением Л. районного суда города Москвы от 28 августа 2018 г. требования Ю. в части взыскания с адвоката Г. неотработанной части полученного вознаграждения и процентов за пользование чужими денежными средствами были удовлетворены частично, в остальной части требований было отказано.

При рассмотрении указанного гражданского дела адвокатом Г. в судебном заседании 16 июля 2018 г. была произнесена фраза *«Истец является преступником с тремя судимостями и лжецом»*, которая и является предметом настоящего дисциплинарного производства. Произнесение изложенной фразы подтверждается протоколом судебного заседания и адвокатом Г. не оспаривается.

Рассматривая правовую сторону изложенных выше фактических обстоятельств, Квалификационная комиссия верно отметила, что адвокат Г. основывал свою позицию на материалах уголовного дела в отношении Ю., в котором принимал участие в качестве защитника. Таким образом, информация, использованная адвокатом Г. при произнесении фразы, являющейся предметом дисциплинарного производства, получена им при оказании юридической помощи доверителю Ю. Вместе с тем на момент произнесения рассматриваемой фразы адвокатом Г., 16 апреля 2018 г., оказание им юридической помощи Ю. было прекращено в связи с расторжением Ю. соответствующего соглашения 12 февраля 2017 г.

Произнесение фразы о наличии у Ю. судимостей, а также о том, что тот является «лжецом», адвокат Г. обосновал ложностью доводов Ю., выдвинутых

им в обоснование требований о взыскании с адвоката Г. морального вреда в связи с якобы ненадлежащим качеством оказанной адвокатом юридической помощи.

К компетенции дисциплинарных органов адвокатской палаты не относится оценка того, насколько изложенные аргументы адвоката Г. были эффективны с точки зрения оппонирования предъявленным к нему Ю. исковым требованиям. Все эти доводы, как и доводы Ю., были оценены Л. районным судом города Москвы, постановившим решение о частичном удовлетворении требований истца. При этом во взыскании компенсации морального вреда суд отказал.

Содержащиеся в приведенной фразе адвоката Г. сведения относительно неоднократного привлечения Ю. к уголовной ответственности, ставшие адвокату Г. известными при исполнении поручения на защиту Ю. по уголовному делу, были использованы адвокатом Г. для обоснования своей позиции при защите в суде от гражданского иска, предъявленного бывшим доверителем Ю., что прямо допускается п. 4 ст. 6 Кодекса профессиональной этики адвоката.

Не нашло своего подтверждения и дисциплинарное обвинение в наличии в произнесенной адвокатом Г. фразе не соответствующих действительности сведений о наличии у Ю. трех судимостей, поскольку это высказывание было сделано адвокатом Г. в ходе судебного разбирательства по гражданскому делу. Все сделанные сторонами при рассмотрении гражданского спора утверждения подлежат проверке судом при вынесении судебного акта, поэтому их несоответствие действительности не может образовывать состава правонарушения. В данном случае по аналогии применимы разъяснения, содержащиеся в п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц», где указано, что в случае, когда сведения, по поводу которых возник спор, сообщены в ходе рассмотрения другого дела участвовавшими в нем лицами, а также свидетелями в отношении участвовавших в деле лиц, являлись доказательствами по этому делу и были оценены судом при вынесении решения, они не могут быть оспорены в порядке, предусмотренном статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации, так как нормами Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлен специальный порядок исследования и оценки данных доказательств.

Фраза о наличии у Ю. трех судимостей, а также содержащая его характеристику как лжеца, не содержит сниженной либо обценной лексики, произнесена адвокатом Г. в подобающий момент судебного разбирательства, а именно в объяснениях по заявленным истцом требованиям при

рассмотрении Л. районным судом города Москвы исковых требований Ю. по существу.

При таких обстоятельствах Совет приходит к выводу, что презумпция добросовестности адвоката Г. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство в отношении него подлежит прекращению.

11. Совет прекратил дисциплинарное производство вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, одновременно обратив внимание адвоката на необходимость более тщательного формулирования публичных экспертных комментариев.

Совет Адвокатской палаты города Москвы... рассмотрел в закрытом заседании 28 февраля 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе адвоката П. ...в отношении адвоката К.

В соответствии с Заключением Квалификационной комиссии от 5 февраля 2020 г. дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе адвоката П. от 6 ноября 2019 г., подлежит прекращению вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседание Совета не явился, представил ходатайство..., в котором просит рассмотреть дисциплинарное производство без его участия, иных заявлений и ходатайств не имеет, согласен на получение решения Совета по электронной почте.

Заявитель, адвокат П., извещенный надлежащим образом, в заседание Совета также не явился, представил заявление от 3 февраля 2020 г., в котором просит рассмотреть дисциплинарное производство без его участия.

...Рассмотрев и обсудив Заключение Квалификационной комиссии и материалы дисциплинарного производства, Совет соглашается с Заключением Квалификационной комиссии, основанном на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

Так, материалами дисциплинарного производства установлено, что заявитель жалобы – адвокат П. с 26 февраля 2019 г. являлся защитником З., в отношении которой 29 октября 2019 г. был постановлен обвинительный приговор. Судом ей назначено наказание в виде семи лет и шести месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком пять лет.

В этот же день, 29 октября 2019 г., в интернет-газете... была размещена статья журналиста... в тексте которой содержится следующий комментарий адвоката К.: *«При наличии у следствия столь убедительных доказательств*

путь смягчения наказания у обвиняемых один – раскаться, заключить досудебное соглашение, активно способствовать раскрытию всех обстоятельств преступления... А в данном случае мы наблюдаем обратное. Подсудимая идет в категорический отказ, а Фемида ограничивается символическим наказанием. Такое правосудие можно назвать ангажированным».

Адвокат П. выдвинул в отношении адвоката К. дисциплинарное обвинение в том, что он в нарушение Разъяснений Совета Адвокатской палаты города Москвы от 2 марта 2004 г. «О выступлениях в средствах массовой информации» дал комментарий интернет-газете... в котором в негативном ключе характеризует приговор, постановленный судом в отношении З., подзащитной адвоката П., «дает негативную характеристику позиции, выработанной для защиты З., без каких-либо оснований сообщает о достаточности доказательств, при наличии которых З. должна была “каяться” в преступлении, которого не совершала и “сотрудничать со следствием”, фактически транслирует обвинительную позицию по делу, что не должно быть свойственно представителю адвокатского сообщества, делает это еще до рассмотрения дела в апелляционной инстанции».

Адвокат К., не отрицая своего авторства указанного комментария, при этом утверждает, что его комментарий носит общий характер, не относится к обстоятельствам какого-либо конкретного дела, в том числе, дела в отношении З.

Как следует из письменного заявления от 9 января 2020 г. главного редактора интернет-газеты... и автора указанной публикации Б., адресованного президенту Адвокатской палаты города Москвы и приобщенного к материалам дисциплинарного производства, он (Б.) обратился к адвокату К. как к эксперту, хотя и в связи с приговором в отношении З., вызвавшим большой общественный резонанс, но за комментарием только по общим теоретическим вопросам, касающимся назначения наказания лицам, признанным виновными в совершении особо тяжких преступлений, в том числе и оснований для назначения им наказания, не связанного с лишением свободы. Б., как и адвокат К., утверждает, что последний не комментировал уголовное дело и постановленный по нему приговор в отношении З., подзащитной адвоката П.

При таких обстоятельствах с учетом буквального (дословного) содержания анализируемого комментария адвоката К., в котором не содержится идентифицирующих признаков конкретного дела и конкретного лица, в отношении которого постановлен приговор, Совет приходит к выводу о том, что презумпция добросовестности адвоката К. не опровергнута представленными заявителем доказательствами, в связи с чем дисциплинарное производство подлежит прекращению.

Вместе с тем Совет считает необходимым обратить внимание адвоката К. на необходимость более тщательного формулирования публичных экспертных комментариев с тем, чтобы их содержание не могло ассоциироваться с обстоятельствами уголовных дел, в которых он не участвует.